

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра русского языка как иностранного и методики его
преподавания

Ван Цзижэнь

Лингвокультурема змея в русской языковой картине мира

(на фоне китайской)

Выпускная квалификационная работа

магистра лингвистики

Научный руководитель: к.ф.н., доц. Кириченко С.В.

Рецензент: д.ф.н., доцент, профессор, заведующий кафедрой
социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин

Балтийского института иностранных языков
и межкультурного сотрудничества (ЧОУ ВПО)

Семенов П.А.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Generating Table of Contents for Word Import ...

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время одним из приоритетных направлений лингвистических исследований остаётся взаимосвязь языка и культуры, которая составляет предмет изучения такой науки, как лингвокультурология. По справедливому замечанию В.В.Воробьева, «исследования проблемы «язык и культура», с одной стороны, имеют давнюю традицию, обусловленную изначально известным интересом языкознания к их взаимодействию и взаимосвязям, а с другой, несмотря на наличие целого ряда работ общего и частного характера, продолжают оставаться недостаточно разработанными» [Воробьев 2008: 3]. Одной из доминантных тем лингвистических исследований становится описание фрагментов языковой картины мира, в которой сосредотачивается информация лингвокультурологического характера, определенным образом структурированная в языке. Для содержательного описания языковой картины мира необходимы те или иные параметры, или универсальные категории. Знания о мире, его понимание аккумулируются в определенных единицах – лингвокультурных концептах, логоэпистемах, национальных социокультурных стереотипах, лингвосапиементах, а также в *лингвокультурах*.

Термин *лингвокультура* был предложен В.В. Воробьевым в качестве единицы лингвокультурологического поля, включающей в себя единство знака, значения и соотносительного понятия о классе предметов культуры. Под *лингвокультуремой* исследователь понимает «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» (Воробьев 1997: 44-45). Иными словами, *лингвокультура* включает в себя как собственно языковое представление («форму мысли»), так и неразрывно связанную с ним

«внеязыковую культурную среду» (ситуацию, реалию) (Там же: 48). Существовая в составе лингвокультурного поля, *лингвокультуремы* участвуют в его структурировании на основе парадигматических и синтагматических характеристик.

Слова-зоонимы, будучи широко распространенными в той или иной лингвокультуре, безусловно, являются единицами, в которых диалектически связаны собственно языковое и внеязыковое, культурное, содержание. Объяснением тому служит тот факт, что животные издавна окружали человека, являлись существенной частью его жизни, находясь в постоянном взаимодействии с людьми. Поэтому люди с древних времен в своем воображении стали приписывать животным некие качества, свойственные, скорее, человеку, нежели животному, и наоборот.

Зооним *змея* в силу своего неоднозначного образа издревле встречается в фольклорно-мифологических текстах самых разных народов, в том числе русского и китайского. В качестве лингвокультуремы зооним *змея* включается в состав лингвокультурного поля «*Животные*» и микрополя «*Пресмыкающиеся*», являясь носителем языковой и внеязыковой информации, а также словесного образа как воплощения определенной эстетической ценности в произведениях художественной литературы, где моделируется действительность.

В практике РКИ анализ лингвокультурем, в частности, лингвокультуремы-зоонима *змея*, широко используемого в языке, может снабдить изучающих русский язык не только лексическими знаниями, но и показать культурные особенности изучаемого языка.

Всем вышесказанным и обусловлена **актуальность** предпринятого **исследования**.

Объектом исследования является лингвокультурема *змея* в русской языковой картине мира на фоне китайской, а **предметом исследования** служат совокупность семантических признаков, языковых метафор, образных реализаций, формирующих лингвокультурему *змея* в русском языковом сознании на фоне китайского.

Хотя зооним *змея* и имеет свою историю изучения (в частности, авторы лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство» посвятили статью этому зооморфному образу) (Русское культурное пространство 2004: 79-82), как многомерное образование, включающее в себя понятийно-дефиниционные, коннотативные, образные, оценочные и ассоциативные характеристики, лингвокультурема *змея*, входящая в состав микрополя «Пресмыкающиеся», до сих пор не рассматривалась. Кроме того, новые вербальные реализации лингвокультуремы *змея* в русской языковой картине мира на фоне китайской дают возможность внести определенные дополнения в ее интерпретацию.

Именно всем сказанным выше и обусловлена **научная новизна работы**, которая состоит в исследовании лингвокультуремы *змея* как фрагмента русской языковой картины мира на фоне китайской в аспекте лингвокультурологии.

Целью работы является исследование вербальной репрезентации лингвокультуремы *змея* в русской языковой картине мира на фоне китайской.

Обращаясь к избранной теме, мы ставили перед собой следующие задачи, продиктованные целью исследования:

1. Разработать теоретическую базу исследования;

2. Провести историко-этимологический анализ лексемы *змея* на основании историко-этимологических словарей с целью выявления внутренней структуры лингвокультуры *змея*;

3. На основе данных толковых словарей выявить набор сем лексемы *змея*;

4. Представить словообразовательную парадигму лексемы *змея*;

5. Выявить гипонимы лексемы *змея*;

6. На материале контекстов сайта www.ruscorpora.ru выявить актуализацию лингвокультуры *змея*, ее производных и гипонимов;

7. Проанализировать коннотативные смыслы лингвокультуры *змея*, которые актуализируются в сознании русских и китайцев;

8. Выявить национально-культурную специфику лингвокультуры *змея* в русской языковой картине мира на фоне данных китайского языка.

Основными **методами** исследования являются: метод компонентного анализа, метод дистрибутивного анализа, прием сплошной выборки материала из лексикографических справочников русского и китайского языков, прием направленной выборки материала с сайта www.ruscorpora.ru, приемы функционально-семантического анализа лексемы и ее стилистической характеристики, метод словообразовательного анализа, метод контекстуального анализа, описательный метод.

Материалом предпринятого исследования послужили данные русских и китайских толковых, этимологических, словообразовательных фразеологических словарей, тексты СМИ,

художественные тексты, находящиеся на сайте Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного, в спецкурсах по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, а также в учебной лексикографии.

Теоретическая значимость исследования обусловлена разработкой дифференциации лингвокультуремы и концепта, а также методики проведения анализа.

В работе выдвигается **гипотеза**, что в китайской и русской лингвокультурах зооним змея имеет как сходие, так и национально-специфичные культурные коннотации, которые тесно связаны с историей, обычаями, бытом, географическим положением и культурой двух народов.

На защиту выносятся следующие положения:

- Являясь системно организованной единицей, лингвокультурема *змея* реализуется в языковом коллективе на парадигматическом, синтагматическом, сигматическом и прагматическом уровнях, что позволяет выявить не только её языковое содержание, но и культурно-понятийный компонент семантики, то есть её внеязыковое содержание;

- вторичные номинации лексемы *змея*, обогащенные культурными смыслами, способствуют формированию внеязыковой (культурной) семантики. «Внеязыковая семантика», выраженная через культурно-понятийный компонент значения, переводит лексему *змея* с единицы уровня языка на уровень лингвокультурологической единицы;

- В русской и китайской лингвокультурах обнаруживается совпадение представлений о *змея*, что объясняется схожими климатическими и географическими особенностями Китая и России, на территории которых *змеи* не являлись явлением экстраординарным. Являясь носителем языковой и внеязыковой информации, а также словесного образа как воплощения определенной эстетической ценности в фольклорно-мифологических текстах, в произведениях художественной литературы, где моделируется действительность, лингвокультурема *змея*, однако, обогащалась национально специфичными смыслами, нашедшими воплощение в разного рода вербальных знаках, в которых отражаются характеристики обозначаемого как предмета культуры русского или китайского народов.

Структура работы. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы. Во Введении обозначена актуальность работы, ее цель и задачи, указаны методы исследования, источники, материал исследования, практическая значимость, новизна работы, выдвигаемая гипотеза и положения, выносимые на защиту. Первая глава посвящена описанию теоретических основ изучения лингвокультурологии, языковой картины мира, лингвокультуремы. Вторая глава посвящена анализу лингвокультуремы *змея* по следующей методологической модели: 1) этимологический анализ ключевого слова; 2) лексикографическое описание слова-имени лингвокультуремы; 3) анализ словообразовательного гнезда; 4) актуализация лингвокультуремы *змея*, ее производных и гипонимов во фразеологических словарях и Национальном корпусе русского и китайского языков; 5) анализ коннотативных смыслов в русском языке на фоне китайского языка. В **Заключении** сделаны выводы по работе в целом.

ГЛАВА I. Теоретические основы исследования лингвокультуремы в русистике и китаистике

I.1. Лингвокультурология и ее понятийный аппарат

I.1.1. Лингвокультурология как наука

На современном этапе развития русского языка лингвокультурология, являющаяся относительно молодой наукой, становится чрезвычайно актуальной в области изучения русского языка как иностранного.

Основополагающую роль в том, чтобы лингвокультурология стала научной дисциплиной, сыграл В. Гумбольдт. Он выдвинул теорию о взаимосвязи языка и культуры. Так, он отметил, что «1) материальная и духовная культура воплощаются в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке; 3) Внутренняя форма языка - это выражение «народного духа», его культуры; 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром». (цит. по: Маслова 2001: 59).

Идеи В.Гумбольдта о взаимодействии языка и культуры получили дальнейшее развитие в работах различных исследователей. Так, по мнению В. А.Масловой, «язык - это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре» (Маслова 2001: 59).

К. Леви-Стросс пишет, что «язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык - специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов» (цит. по: Маслова 2001: 62).

Именно на взаимосвязи языка и культуры строится фундамент лингвокультурологии как науки.

Рассмотрим некоторые определения лингвокультурологии.

В.А. Маслова определяет лингвокультурологию как продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике: «Лингвокультурология - это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» (Маслова 2001: 8-9).

В.Н. Телия в определении делает акцент на антропологической парадигме современных исследований: «Лингвокультурология - достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» (Телия 1996: 122).

На связи языка и культуры акцентирует внимание В.В. Красных: «Лингвокультурология - дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» (Красных 2002: 12).

По мнению ВВ. Воробьева, лингвокультурология уделяет внимание всем культурным ценностям, речевой деятельности, а также исследует «опыт языковой личности и национальный менталитет, даёт системное описание языковой картины мира и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения» (Воробьев 1997: 125).

В. В. Воробьев, как и В. В. Красных, считает лингвокультурологию самостоятельной научной дисциплиной, в отличие от В. Н. Телия, которая определяет её как часть этнолингвистики. Но все они придерживаются мнения, что лингвокультурология изучает взаимоотношение языка и культуры,

на основании чего мы можем сделать вывод, что объектом лингвокультурологии являются весь язык и культура, и предметом лингвокультурологии - их взаимодействие.

Лингвокультурология является наукой синтетической, так как включает в себя элементы различных наук и, в первую очередь, лингвистики (языкознания) и культурологии как основных составляющих лингвокультурологии.

Так, *культурология* исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия. *Лингвистика* рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира.

Кроме того, лингвокультурология связана с *этнолингвистикой*, которая представляет направление, сосредоточивающее свое внимание на изучении связей языка с культурой, народными обычаями, социальной структурой общества или нации в целом. В центре современной этнолингвистики находятся лишь те элементы лексической системы языка, которые соотносимы с определенными материальными или культурно-историческими комплексами.

С лингвокультурологией связана и *социоллингвистика*, которая, занимаясь изучением особенностей языка разных социальных и возрастных групп, одним из своих аспектов исследует взаимоотношения между языком и обществом (язык и культура, язык и история, язык и этнос, язык и церковь и т.д.).

Лингвокультурология обнаруживает тесную связь с *лингвострановедением*, наукой, рассматривающейся как методическая дисциплина, которая реализует практику отбора и

презентации в языковом учебном процессе сведений о национально-культурной специфике речевого общения русской языковой личности с целью обеспечения коммуникативной компетенции иностранцев, изучающих русский язык.

И, наконец, лингвокультурология, пользуясь различными лингвистическими методами, не пренебрегая и психолингвистическими методиками, обнаруживает связь с *этнопсихолингвистикой*, которая устанавливает, как в речевой деятельности проявляются элементы поведения, связанные с определенной традицией, анализирует различия в вербальном и невербальном поведении носителей различных языков, исследует речевой этикет и «цветовую картину мира», лакуны в тексте в ходе межкультурного общения, изучает двуязычие и многоязычие как особенность речевого поведения различных народов и т.д. Основным методом исследования в этнопсихолингвистике является ассоциативный эксперимент.

Таким образом, «лингвокультурология - теоретическая филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка. При этом важно учитывать информацию энциклопедического характера, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии» (Зиновьева, Юрков 2006: 15).

Это определение, данное Е.И. Зиновьевой и Е.Е. Юрковым, в наибольшей степени отражает содержательную сторону

лингвокультурологии как науки, являясь основополагающим для нашей работы в плане описания национально-культурной специфики лингвокультуремы *змея* – объекта нашего исследования.

И еще один момент, кажущийся важным для нашей работы.

В. А. Маслова выделяет пять направлений, оформившихся в лингвокультурологии к сегодняшнему дню:

1. Лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, то есть исследование конкретной лингвокультурной ситуации.

2. Диахроническая лингвокультурология, то есть изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени.

3. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.

4. Сопоставительная лингвокультурология, которая находится на стадии развития.

5. Лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей (Маслова: 28-29).

Настоящая диссертация выполнена, скорее, в русле сравнительно-сопоставительной лингвокультурологии, что обуславливается многими экстралингвистическими факторами взаимосвязи русского и китайского народов.

К числу основных понятий лингвокультурологии относится картина мира, которой мы посвящаем следующий параграф настоящего исследования.

I.1.2. Языковая картина мира

Понятие *языковая картина мира* (ЯКМ) используется весьма активно представителями разных наук: философии, психологии, культурологии, гносеологии, когнитологии, лингвистики и т.д. Однако, «прочно войдя в разряд «рабочих» понятий многих наук, оно, до известной степени, является метафорой, не всегда получает достаточно четкое и однозначное толкование даже в среде специалистов одного профиля» (Корнилов 2003: 3).

Картина мира представляет собой сложную систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании.

Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» (Попова 2007: 51).

О.А. Корнилов выявляет три вида человеческого сознания:

- а) индивидуальное сознание отдельного человека,
- б) коллективное быденное сознание нации,
- в) научное сознание.

Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания.

Таким образом, следует говорить о *множественности языковых картин мира*.

Картины мира рассматриваются разными исследователями с различных сторон. Так, В.И. Карасик говорит о том, что картина мира может быть как индивидуальной, так и языковой.

Исследователи также различают научную и быденную (или наивную) картины мира на том основании, что важнейшие аспекты

окружающей действительности могут быть выделены в научной и наивной биологии, геометрии, физике и т.д. (Карасик 2004: 89).

Так, О.А. Корнилов под научной картиной мира понимает отражение коллективного знания о мире, который включает и природу, и общество, и человека как общественное существо» (Корнилов 2003: 9-10).

Различая научную и наивную картины мира, Ю.Д. Апресян под наивной картиной мира понимает «то представление о мире, которое характерно для среднего носителя языка и основано на донаучных общих понятиях, предоставляемых в его распоряжении языком» (Апресян 1995: 38).

В.Б. Касевич под наивной картиной мира подразумевает «реальные представления о мире и человеке, свойственные членам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития... Если научная картина мира стремится к полноте, то наивная - к целостности» (Касевич 1996: 77-78).

Наивная картина мира - это «обиходные представления говорящих на данном языке об окружающем мире» (Урысон 1998: 5).

Таким образом, наивная картина мира свойственна обыденному сознанию и присуща «наивному», донаучному взгляду на мир.

Е.В. Урысон проводит границу между наивной и собственно языковой картиной мира, различая также языковую и концептуальную картины мира.

Концептуальная картина мира - это «не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания» (Зиновьева, Юрков 2006: 52).

Б.А. Серебренников утверждает, что концептуальная картина мира богаче языковой, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и вербальные.

Таким образом, опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод, что концептуальная картина мира своеобразно включает в себя языковую картину мира.

Наряду с языковой и концептуальной картинами мира, в отечественной лингвистике выделяются:

1) *когнитивная картина мира* - ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления (Попова 2007: 52);

2) *художественная картина мира* - это «вторичная» картина мира (подобная языковой), которая возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения (или в сознании слушателя, зрителя - при восприятии других произведений искусства) (Там же: 56).

В рамках настоящего исследования важно определиться в понимании *языковой картины мира*, поскольку нет единого мнения по этому вопросу у отечественных исследователей. Приведем некоторые из них.

Языковая картина мира – это:

- «отражение способа моделирования и структурирования действительности, характерного для конкретной лингвокультурной общности» (Моисеева 1998: 3); совокупность знаний человека о мире, запечатленных в языковой форме (Маслова 2001: 64); «языковая картина мира» - это не более чем

метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа.» (Там же: 66); «картина мира - результат переработки информации о среде и человеке» (Там же).

- «упрощенное и сокращенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции» (Мифы народов мира 1997: 161);

- «совокупность языковых знаний, закодированных оппозициями словаря и грамматики» (Касевич 1996: 179);

- «вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых языков» (Зиновьева, Юрков 2006: 52);

- «запечатленный в словах, социально наследуемый (т. е. передаваемый от поколения к поколению) «слепок» национального образа мира, как самый главный фактор, предопределяющий и гарантирующий воспроизведение в относительно неизменном виде национального образа мира в сознании сменяющих друг друга поколений представителей данной национальности, носителей данной культуры» (Корнилов 2002: 81);

- «совокупность зафиксированных в единицах языка

представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков - языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» (Попова 2007: 54);

- «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности...» Таким образом, «языковая картина мира - это своего рода мировидение через призму языка» (Яковлева 1996: 47);

- «каждый естественный язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Иными словами, в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью» (Урысон 1998: 3);

- явления и предметы внешнего мира, представленные в человеческом сознании в форме внутреннего образа; «пятое квазиизмерение», в котором представлена человеку окружающая его действительность (Леонтьев 1979:15)

Мы полагаем, что каждое определение языковой картины мира в какой-то степени дополняет друг друга. Наиболее исчерпывающим в рамках предпринятого исследования, однако, представляется определение Е.С. Яковлевой и А.А. Леонтьева.

Кроме того, исследователь В.И. Карасик вносит в состав языковой картины мира *ценностную картину мира*, понимая под ней « часть языковой картины мира, моделируемой в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами,

общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными, литературными сюжетами» (Карасик 2004: 224).

Иными словами, картина мира включает в себя не только отраженные в сознании носителей языка объекты действительности, но и их отношение к этим объектам.

Ценностная картина мира отражается и через единицы лингвокультурологии, такие, как *логоэпистема*, *лингвокультурема*, *концепт*, *лингвокультурный концепт*, *лингвосапиентема*. Поэтому более подробно остановимся на изучении данного вопроса в отечественной лингвистике.

I.1.3. Единицы лингвокультурологии

В лингвокультурологических исследованиях важным моментом является определение того, что является единицей изучения этой науки. Е.И.Зиновьева и Е.Е.Юрков на настоящий момент выделяет следующие единицы: *логоэпистема*, *лингвокультурема*, *концепт*, *лингвокультурный концепт*, *лингвосапиентема*. (Зиновьева, Юрков 2006: 99).

Наиболее употребительным термином в современных лингвокультурологических исследованиях является термин *концепт*, представляющий собой значительное разнообразие дефиниций.

Разное понимание концепта обусловлено тем, что существуют разные подходы к изучению концепта. Например, И. А. Тарасова выделяет четыре подхода: 1) историко-культурологический и лингвофилософский, 2) лингвокультурологический, 3) лингвокогнитивный и 4) психолингвистический (Тарасова 2003: 38-52).

При когнитивном подходе к определению концепта (такой подход характерен для воронежской лингвистической школы) исследователи исходят из того, что человек мыслит концептами, комбинируя их и осуществляя в рамках концептов и их сочетаний глубинные предикации, формируя новые концепты в процессе мышления. Таким образом, концепт – это «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» (Попова, Стернин 2000: 4). Язык является одним из способов формирования концептов в сознании человека. Однако чтобы получить представление о содержании концепта, считают исследователи, необходимо рассмотреть всю совокупность языковых средств выражения концепта (слова, фразеологизмы и целые тексты).

Е. С. Кубрякова, также трактующая концепт с точки зрения когнитивной лингвистики, к основным признакам концепта относит следующие: идеальная природа, принадлежность сознанию, отдельность от других сущностей, оперативность, содержательность, наличие упорядочивающего стержня (КСКТ 1996: 90-93).

По мнению А. П. Бабушкина, «каждая концептуальная единица занимает соответствующую ячейку в национально-обусловленной концептосфере языка. Динамика в этом плане – это оперирование нефиксированными мыслями, процесс, в результате которого могут возникать новые концепты, и наше сознание работает над формированием целостности концепта, хотя порой на это уходят долгие годы» (Бабушкин 1996: 23).

Психолингвистическое направление представлено работами А. А. Залевской, считающей концепт достоянием индивида (Залевская 2001: 104). Согласно А. А. Залевской, концепт представляет собой

«спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и знаний как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» (Залевская 2001: 90).

Лингвокультурологический или культурологический подход охарактеризован Ю.С. Степановым, определяющим концепт как «основную ячейку культуры в ментальном мире человека», «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, тот "пучок" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» (Степанов 1997: 40).

Представитель того же направления В.Н. Телия считает, что «концепт - это то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания»(Телия 1996: 8).

Наряду с устоявшимся термином *концепт* в исследованиях лингвокультурологического направления встречаются, как уже было отмечено выше, и такие термины, как *логоэпистема*, *лингвосапиентема* и *лингвокультурема*.

Так, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров в 2005 г. ввели в понятийный аппарат лингвокультурологии термин *лингвосапиентема* как сверхконцепт, включающий в себя «соположенные концепты лексического фона и рече-поведенческой тактики» (Верещагин, Костомаров 2005: 954). Как пограничный феномен, «отчасти данный и отчасти не данный в непосредственном наблюдении, отчасти вербальный, отчасти не способный иметь материальных носителей», *лингвосапиентема* постигается путём

контемплации - созерцания, способа познания, требующего участия в нём всех чувственных, рациональных и сверхчувственных потенций человека. (Там же).

По мнению исследователей, *лингвосапиемента* - это «путь к конкретному результату: она позволяет понять (временами предвидеть), почему и как человек поступит по социальной модели (при творческом говорении), почему и как человек поступит, следуя рече-поведенческим тактикам; почему и как человек построит свою речь с опорой на лексические фоны» (Там же: 955). Под лексическими фонами, при этом, исследователями понимаются «конкретные единицы статичного опыта в латентном состоянии», т.е. что носитель языка знает о чем-либо; и «конкретные единицы динамического опыта в латентном состоянии», под которыми понимаются рече-поведенческие тактики, т.е. как носителю языка вести себя, чтобы добиться желаемого результата. (Там же).

Под *логоэпистемой* (от греч. «слово» + «знание»), термином, введенным в терминологическую базу лингвокультурологии также Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, понимается «знание, хранимое в единице языка». (Верещагин, Костомаров 1999:7).

По мнению Е.М. Верещагина, В.Г.Костомарова, при выявлении логоэпистемы важным моментом является тот факт, что она «отсылает к какому-либо прецедентному тексту (дискурсу, знанию, событию, факту), являясь его «сверсткой» или просто символом» (Там же). При этом авторы, на наш взгляд, не обозначают четко форму материализации данного лингвистического феномена.

Говоря, что «логоэпистемы несводимы к известным лингвистическим категориям: это не слово или словосочетание, не фразеологизм или клише, не метафора или аллегория и т.д.; это

знание» (курсив наш – В.Ц.), исследователи, однако, акцентируют внимание на принадлежности логоэпистемы и языку и культуре одновременно, называя их символами чего-либо, стоящего за ними, «сигналами, заставляющими вспомнить некоторое фоновое знание, некоторый текст» (Там же).

Так, в статье В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой *логоэпистемы* определяются как единицы, "которые являются формой вербализации смыслов, вкладываемых человеком в свои творения и действия" (Костомаров, Бурвикова 2000:3). При этом, *логоэпистемы* могут находить выражение в единицах языка, относящимся к разным ярусам языковой системы. (Там же).

И, наконец, В.В.Воробьевым в качестве основной единицы лингвокультурологического анализа был введен термин *лингвокультурема*, который определяется им как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания» (Воробьев 1997: 44-45). В отличие от слова и лексико-семантического варианта (ЛСВ) как собственно языковых единиц *лингвокультурема* включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком. (Там же).

Поскольку *лингвокультурема* является объектом настоящего исследования, на аргументации выбора данного термина остановимся более подробно.

I.1.3.1. Лингвокультурема как единица изучения в лингвокультурологии

Появление термина *лингвокультурема* в понятийном аппарате лингвокультурологии не случаен. Так, В.И.Карасик мотивирует появление этого термина стремлением уйти от многозначности термина *концепт*, одно из значений которого и представляет собой содержательную сторону *лингвокультуремы*.

В.А. Масловой термин *лингвокультурема* был воспринят неоднозначно. Ср.: «данный термин представляется нам весьма туманным, ибо в нем не раскрываются механизмы того, где и как прикрепляется культурная информация в языковом знаке, как она «работает» в языке, а указывается лишь на факт ее наличия в языковом знаке, что известно еще со времен В. Гумбольдта.» (Маслова 2001: 51-52)

Выбирая в качестве единицы лингвокультурологического исследования *лингвокультурему*, мы опираемся на аргументы В.В. Воробьева, который придерживается мнения, что лингвокультурологические единицы надо рассматривать через семиотическую модель как *способ их системной организации*. (Воробьев 1997: 38).

Учитывая три уровня исследования знаковых систем в современной семиотике (1) синтактику, где исследуются отношения между знаками и способы их употребления, 2) семантику, в которой изучается содержательная сторона знаков, их смысл и 3) прагматику, предметом которой является рассмотрение отношения между знаковыми системами и теми, кто воспринимает, интерпретирует и использует содержащиеся в них сообщения), В.В. Воробьев акцентирует внимание на необходимости подкорректировать традиционную схему анализа за счет учета еще одного аспекта,

который, по справедливому мнению ученого, присутствует в семантике имплицитно. Речь идет об анализе внеязыкового содержания знака и является четвертым, *сигматическим*, аспектом семиотики, открывающим выход во внеязыковой мир (Там же:39).

«Внеязыковая семантика» - сфера специального (понятийного) знания и конкретных реалий как элементов, предметов класса. Она и раскрывает (вместе с собственно с языковой семантикой и через язык) культуру народа. (Воробьев 1997: 39-40).

Безусловно, эффективность семиотической модели как системного метода анализа лингвокультурологических объектов достигается за счет учета всех четырех аспектов исследования – синтактики, семантики, прагматики и сигматики. Ср.: «важнейшая проблема семиотики состоит в выяснении того, в какой мере эти уровни исследования взаимосводимы друг к другу» (ФЭС 1983: 601).

Так, синтактика содержит структурные, т.е. парадигматические и синтагматические характеристики единиц того или иного семиотического поля. Парадигматические характеристики акцентируют внимание на нелинейных отношениях внутри поля, на их значимости в парадигме; синтагматические - на линейных, функциональных отношениях, их позиции в тексте, типовую сочетаемость.

В отношении к лингвокультурологической единице *змея*, являющейся объектом нашего исследования, парадигматические отношения, их системные связи представлены гипонимами (*кобра, удав, гадюка* и др.), единицами одного словообразовательного гнезда (*змееныш, змейка, змий/змей, змеиный*). Кроме того, в парадигматический ряд *змеи* входят названия составных частей *змеи* (*голова, хвост, язык, глаза, тело, кожа* и т.п.).

Функциональные связи представлены синтагматическими отношениями анализируемой единицы с классами других единиц, так или иначе связанных в текстах с данной единицей (*извиваться змеей, шипеть как змея, мудрая змея; змеиный характер, змеиный язык*). В них отражаются характеристики обозначаемого как предмета культуры. Иными словами, для лингвокультурологического исследования важным моментом является не только употребление слов (как для лингвистики), но и характер использования самих реалий, т.е. внеязыковой, культурный уровень.

П р а г м а т и к а п р е д п о л а г а е т р а с с м о т р е н и е лингвокультурологических единиц с позиции функции воздействия на человека, которая опирается на собственно языковой план - эмоционально-коннотативный аспект.

По мнению В.В. Воробьева, именно эмоционально-коннотативной особенностью «культурные реалии и единицы, выражающие их, производят такое яркое воздействие, особенно если речь идет о сопоставлении разных языков и культур, например, при изучении русского языка как иностранного.» (Воробьев 1997: 42-43).

Таким образом, изучение лингвокультурологических единиц в единстве семантики, синтагматики, синтактики и прагматики позволяет получить о них полное представление как единицах, в которых диалектически связаны собственно языковое и внеязыковое содержание. Ср.: «Семантический аспект семиотической модели исследования отражает языковое содержание единицы, сигматический - его референтную сущность, синтаксический - закрепленность единицы в системе (парадигматическую, то есть системную, и синтагматическую, то есть функциональную) и прагматический - ее воздействие на человека».(Там же).

Все вышесказанное является веским аргументом в пользу выбора термина *лингвокультурема* в предпринятом нами исследовании, под которой мы, вслед за В.В. Воробьевым, понимаем единицу, представляющую собой совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак. (Там же: 48).

Как видно из вышеизложенного, структура *лингвокультуремы* оказывается более сложной, чем у собственно языковых единиц, т.к. к обычным составляющим (знак - значение) в *лингвокультуреме* прибавляется культурно-понятийный компонент как ее внеязыковое содержание. Именно через культурно-понятийный компонент осуществляется выход в материальную и духовную культуры.

Ср.: «Лингвокультурема вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление («форму мысли»), так и тесно и неразрывно связанную с ним «внеязыковую, культурную среду» (ситуацию, реалию), - устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны. Поэтому слово-сигнал неизбежно будит в человеке, знающем язык, особую культурную коммуникацию, не только значение как намек (А.А. Потебня), но и всю совокупность «культурного ореола». (Воробьев 1997: 48).

Иными словами, при погружении слова в культурную среду осуществляется формирование *лингвокультуремы*, которая нагружается в процессе своего формирования различного рода ассоциациями, выходящими за рамки языковой дефиниции.

Мы считаем чрезвычайно важной мысль автора относительно содержания *лингвокультуремы*, которое находится в прямой связи с лингвокультурологической компетенцией носителей языка. «Незнание «культурного ореола» слова оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть

культурных ассоциаций, то есть в смысл высказывания, текста как отражения культурного феномена.» (Там же).

Поскольку настоящее исследование проводится в сравнительно-сопоставительном аспекте, то существенным также представляется то, что степень понимания содержания реалий культуры представителями других языков и культур в общении с носителями данного языка в значительной степени зависит от степени совпадения их лингвокультурологических компетенций.

Именно уровень лингвокультурологической компетенции оказывает существенное влияние на результат коммуникации, поскольку, по справедливому замечанию В.В. Воробьева, «конечным итогом всякой коммуникации является не понимание языка как такового, а усвоение внеязыковой информации (в том числе культуры, в рамках которой происходит само общение)». (Воробьев 1997: 53).

Следующим моментом в аргументации выбора нами термина *лингвокультурема* является факт прикрепленности рассматриваемой лингвокультурологической единицы к лингвокультурологическому полю, поскольку включает в себя единство знака, значения и соотносительного понятия о классе предметов культуры.

Лингвокультурема *змея*, являющаяся объектом нашего исследования, входит в обширное лингвокультурное поле зоонимов и микрополя «*Пресмыкающиеся*». Зооним *змея* в силу своего неоднозначного образа издревле встречается в фольклорно-мифологических текстах самых разных народов, в том числе русского и китайского, являясь носителем языковой и внеязыковой информации, а также словесного образа как воплощения определенной эстетической ценности в произведениях художественной литературы, где моделируется действительность.

Поскольку структурно *лингвокультуремы* могут выражаться как словом, словосочетанием, так и текстом значительной протяженности (что справедливо позволяет отнести ее к единицам межуровневым), В.В.Воробьев проводит аналогию ее со словесным образом «как воплощением определенной эстетической ценности в языке художественной литературы, где также моделируется действительность» (Там же).

При этом, по мысли Г.М. Алимжановой, «лингвокультурема может рассматриваться не только как дедуктивно данная единица, но и единица, рождаемая в тексте и получающая в нем свою конкретную специфическую реализацию.» (Алимжанова 2010: 3).

Таким образом, включая в себя элементы культурного смысла, *лингвокультурема* приобретает возможность эстетического использования в художественной речи, демонстрируя национальное видение мира.

Лингвокультурема отражает национальное видение мира в силу следующих характеристик:

лингвокультурема

- 1) имеет коннотативные смыслы и становится знаком-функцией,
- 2) может иметь несколько коннотативных означаемых,
- 3) может либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих,
- 4) активно «живет» до тех пор, пока активно «живет идеологический контекст», ее породивший. (Воробьев 1997: 52).

Указанные признаки считаем важными для нашего исследования, как и характер источников *лингвокультурем*, на которые указал В.В. Воробьев.

Это:

1) народное поэтическое творчество;

2) памятники истории и общественной мысли, а также специальные исторические, философские, социологические, литературоведческие, лингвистические, эстетические и другие исследования;

3) высказывания выдающихся деятелей науки, искусства и литературы, в которых запечатлены важнейшие оценки русской нации и национальной личности;

4) литературные произведения, в которых нашла отражение русская национальная личность (типы и образы) и публицистика;

5) выдающиеся личности как модель русской национальной личности (А. С.Пушкин, Ф. М.Достоевский, Л. Н.Толстой, Степан Разин, Петр Первый и др.);

6) мысли и суждения иностранцев о русской нации и культуре как сопоставительный фон, оттеняющий специфику всего русского (Воробьев 1997: 55–56).

Безусловно, материалом для нашего исследования послужили произведения народного творчества, поэтического, в том числе, произведения русских писателей, публицистов.

Т а к и м о б р а з о м , м ы с ч и т а е м , что *лингвокультурема* представляет собой слово, обозначающее материальное явление природы или артефакт реального мира, в единстве его семантического содержания и культурных ассоциаций, закрепленных в языковом сознании носителей языка. Культурные ассоциации *лингвокультуремы* могут быть связаны с различными к о н ц е п т а м и . Т а к , н а п р и м е р , в *лингвокультуреме змея* репрезентируются такие концепты, как *мудрость, злость*, входящие, в свою очередь, в состав

семантических, лингвокультурных полей *характер, качества человека* и т.п. Являясь единицей лингвокультурологии, *лингвокультурема* а) отражает «специфику и систематизацию реалий (их типов, разновидностей) внутри класса предметов, соотнесенных с определенным знаком» (Воробьев 1997:45); б) реализуется в языковом коллективе во всем многообразии иерархических отношений на парадигматическом, синтагматическом, сигматическом и прагматическом уровнях; в) аккумулирует в себе не только собственно языковое представление о реалии, но и всю совокупность культурного ореола.

I.2. Методика исследования *лингвокультуремы*

При описании *лингвокультуремы* целесообразно проанализировать методику проведения анализа. В лингвистических работах наиболее эффективной представляется методика концептуального анализа, в основе которой лежит семантическая реконструкция лексемы с совокупностью всех словоупотреблений, реализующихся во всевозможных контекстах. С помощью данной методики, по мнению Э. Бенвениста, становится очевидной связь семантики и культуры (Бенвенист 1974: 18).

Мы считаем, что методика концептуального анализа в полной мере отвечает и нашим задачам по следующим причинам:

- 1) Поскольку, как уже было сказано выше, структура лингвокультуремы значительно сложнее структуры лексемы (к составляющим слово *знак-значение* прибавляется культурно-понятийный компонент как внеязыковое содержание) первым этапом анализа является исследование этимологии слова – имени

лингвокультуремы, ее внутренней формы. К этой мысли мы пришли, исходя из постулата А.А. Потебни о том, что внутренняя форма не только репрезентирует мыслительное, внеязыковое содержание, но и, что особенно существенно для исследования лингвокультуремы, на наш взгляд, выражает национальную специфику слова и отражаемой им реалии культуры. Живая внутренняя форма передает восприятие предмета в его национальной специфике: это «центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» (Потебня цит. по: Воробьев 1997: 46). Именно внутренняя форма, выражая неповторимую национальную специфику, оказывает прагматическое воздействие на субъекта.

- 2) Поскольку в целях исследования нам необходимо выявить семантическую доминанту лингвокультуремы, которая со временем не меняется, мы подвергаем анализу лексикографические источники. Применяя метод компонентного анализа, мы можем представить семему лингвокультуремы как набор сем, которые формируют ее понятийное содержание. Ср. замечание В.В. Воробьева: «Глубинный смысл, потенциально присутствующий в значении как элемент его содержания, развертывается в

смысловой сети культурно-понятийного содержания лингвокультуры» (Там же: 50).

- 3) Приемом тотальной выборки из Национального корпуса русского и китайского языков извлекаются все контексты со словоупотреблениями лексемы/ иероглифа *змея*. Только анализ контекстов позволит в полной мере выявить сеть культурных ассоциаций, сформированных в сознании русского и китайского народов.
- 4) Анализ контекстов с привлечением метода дистрибутивного анализа позволит, кроме того, выявить метафорическое употребление лексемы – имени лингвокультуры, также обнаруживающее связь «значение – культурологический смысл» во всех ее ценностных ориентирах.
- 5) Поскольку лингвокультура проявляется, как было сказано выше, во всем многообразии парадигматических (гипо-гиперонических, деривационных и др.) системных отношений, представляется целесообразным провести словообразовательный анализ производных от лексемы *змея* наименований, а также гипонимов лексемы *змея* и их производных.
- 6) Анализ лингвокультуры *змея* не был бы полным без данных ассоциативных словарей и ассоциативных экспериментов. Так, исследователи Л.О. Чернейко и В.А. Долинский придерживаются мнения о принципиальном сходстве и генетическом родстве психологической основы ассоциаций и

семантических компонентов значений (Чернейко, Долинский 1996: 32).

Вывод

На основании всего вышесказанного мы пришли к следующим выводам:

- Опираясь на выводы Е.И. Зиновьевой и Е.Е. Юркова (Зиновьева, Юрков 2006: 15), считаем, что лингвокультурология - это теоретическая филологическая дисциплина, отрасль семасиологии, базирующаяся на понятиях когнитивной лингвистики. Объектом исследования лингвокультурологии являются различные структурные знания, обоснованные национальным менталитетом и культурой. В плане описания национально-культурной специфики лингвокультуремы *змея*, объекта нашего исследования, данное определение в наибольшей степени отражает содержательную сторону лингвокультурологии как науки, которая не просто содержит в себе теоретический базис, сформированный непосредственно благодаря влиянию различных наук, но и использует их методы, приемы исследования, способы представления материала;

- Сравнительно-сопоставительную лингвокультурологию, как одно из ее направлений, считаем наиболее перспективной в рамках предпринятого исследования, что обуславливается многими экстралингвистическими факторами взаимосвязи русского и китайского народов;

- Как одно из основных понятий лингвокультурологии выступает картина мира, которая рассматривается с различных сторон. Опираясь на различные подходы к определению данного

понятия, отмечая основные нюансы его интерпретации, мы пришли к пониманию языковой картины мира как зафиксированной в языке и специфической для данного языкового коллектива схемы восприятия действительности...” (Яковлева 1996: 47);

- Языковая картина мира строится единицами лингвокультурологии, среди которых наиболее приемлемой для настоящего исследования является *лингвокультурема*, под которой нами, вслед за В.В. Воробьевым, понимается комплексная межуровневая единица, интегрирующая в себе лингвистическое и экстралингвистическое содержание;

- Выбирая в качестве единицы лингвокультурологического исследования *лингвокультурему*, мы опирались на аргументы В.В. Воробьева, который придерживается мнения, что лингвокультурологические единицы надо рассматривать через семиотическую модель как *способ их системной организации*. (Воробьев 1997: 38);

- Эффективность семиотической модели как системного метода анализа лингвокультурологических объектов достигается за счет учета четырех аспектов исследования – синтактики, семантики, прагматики и сигматики;

- Синтактика содержит структурные (парадигматические и синтагматические) характеристики единиц. В отношении к лингвокультурологической единице *змея*, являющейся объектом нашего исследования, парадигматические отношения, их системные связи представлены гипонимами (*кобра, удав, гадюка* и др.), единицами одного словообразовательного гнезда (*змееныш, змейка, змий/змей, змеиный*). Кроме того, в парадигматический ряд *змеи*

входят названия составных частей змеи (*голова, хвост, язык, глаза, тело, кожа* и т.п.);

- Функциональные связи представлены синтагматическими отношениями анализируемой единицы с классами других единиц, так или иначе связанных в текстах с данной единицей (*извиваться змеей, шипеть как змея, мудрая змея; змеиный характер, змеиный язык*). В них отражаются характеристики обозначаемого как предмета культуры (сигматика);

- Прагматика предполагает рассмотрение лингвокультурологических единиц с позиции функции воздействия на человека, которая опирается на собственно языковой план - эмоционально-коннотативный аспект, приобретающий большую значимость при изучении русского языка как иностранного;

- *Лингвокультурема* имеет четкую прикрепленность к лингвокультурологическому полю, поскольку включает в себя единство знака, значения и соотносительного понятия о классе предметов культуры, т.е. *лингвокультурема* системно организованная единица;

- На основании изученной литературы мы выработали свое определение и понимание *лингвокультуремы*: *лингвокультурема* представляет собой слово, обозначающее материальное явление природы или артефакт реального мира, в единстве его семантического содержания и культурных ассоциаций, закрепленных в языковом сознании носителей языка. Культурные ассоциации *лингвокультуремы* могут быть связаны с различными концептами. Являясь единицей лингвокультурологии, *лингвокультурема* а) отражает «специфику и систематизацию реалий (их типов, разновидностей) внутри класса предметов, соотнесенных с определенным знаком» (Воробьев 1997:45); б)

реализуется в языковом коллективе во всем многообразии иерархических отношений на парадигматическом, синтагматическом, сигматическом и прагматическом уровнях; в) аккумулирует в себе не только собственно языковое представление о реалии, но и всю совокупность культурного ореола.

- Поскольку структура *лингвокультуремы* оказывается более сложной, чем у собственно языковых единиц, т.к. к обычным составляющим (знак - значение) в *лингвокультуреме* прибавляется культурно-понятийный компонент как ее внеязыковое содержание, требуется отдельная методика анализа, включающая: исследование внутренней формы слова – имени лингвокультуремы; исследование культурно-понятийного содержания лингвокультуремы на базе лексикографических справочников, а также контекстов Национального корпуса русского и китайского языков с учетом ее синтагматических связей; выявление метафорического употребления лексемы – имени *лингвокультуремы* во всех ее ценностных характеристиках; выявление всего многообразия парадигматических (гипо-гиперонических, деривационных и др.) системных отношений; анализ данных ассоциативных словарей и ассоциативных экспериментов.

ГЛАВА II. Лингвокультурема *змея* в русской языковой картине мира (на фоне китайской)

Являясь единицей лингвокультурологии, лингвокультурема *змея* обладает языковой и внеязыковой информацией. Языковая информация базируется прежде всего на этимологическом значении слова.

II.1. Историко-этимологический анализ лексемы *змея* в русском и китайском языках

В русском языке лексема *змея* возникла из древнеславянского языка. Под его праславянской формой *zъja* понимается «земляная, ползающая по земле, пресмыкающаяся (тварь)» (Цыганенко 1989: 145). Слово *zъja* состоит из двух частей: корня *zet-* (или *zъt-*, т. е. *zm-*) и суффикса *-ъja*. Корень *zet-* означает «земля, низ». (Там же). Суффикс *-ъja* указывает на грамматическую характеристику этого слова - имя существительное женского рода.

Змея в древнерусском языке имеет форму *зми*, что значит «дракон», «змея» (Черных 1994: 326). Слово начало использоваться в XII веке. П.Я. Черных приводит цитату из текста Руси: «февраля в 1 день громъ бысть по заутрени и вси слышаша и потом...зми видѣша лѣтящъ»(Там же). Отсюда, на наш взгляд, и ассоциация змеи с крылатым существом, по-видимому, с драконом.

Параллельно со *змеей* имеет место словоформа *змей*. У них один и тот же древнеславянский корень *zet-*. У слова *змея* (*zъjъ*), суффикс *ъjъ* «образовывал в праслав. языке относительные и притяжательные прилагательные от имен существительных» (Камчатнов: <http://www.drevoslov.ru/wordcreation/morphem>). Отсюда прилагательное *змеиный*.

Затем *змеи* стал использоваться в качестве обозначения игрушки (воздушный или бумажный *змеи*). Такое употребление зафиксировано уже в XVIII веке, до этого слово *змеи* было заменой слова *змеи*, причину которого А.В. Семенов видит в том, что «слово <змея> являлось табуистическим, т.е. его старались не произносить, опасаясь накликать беду» (Семенов 2003: 216). В древнем Китае люди тоже избегали произносить слово *змея* (чун), а употребляли слово *та*.

Разные народы связывают *змею* с разными предметами. В чешском языке *змея* связана с гадюкой и ехидной; словаки часто ассоциируют *змею* с смоком. Польская же, верхнелужицкая и русская *змея* одна и та же, то есть «земной, ползающий по земле» (Фасмер 1973: 221).

В китайском языке, по данным словарей, происхождение слова *змея* (иероглиф 蛇) можно проследить до древнего иероглифа *цзягувэнь*, который был написан на костях или черепаших панцирях. Но этот иероглиф уже много раз менял свою форму и на сегодняшний день очень отличается от изначального вида.

Можно выделить 3 периода изменения иероглифа *змея*:

- 1) период *цзягувэни*;
- 2) период китайской каллиграфии;
- 3) период традиционного иероглифа и упрощённого иероглифа.

Цзягувэнь считается самой ранней письменностью в Китае, она появилась в XIV—XI веках до н. э., обычно ею пользовались при гадании.

По мнению Гу Янькуи, первоначальный иероглиф 𪗇 (чун) в период *цзягувэни* обозначал а) щитомордника и был похож на ползущего щитомордника и б) насекомое (Гу Янькуи 2003: 184).

Затем иероглиф (чун) потерял свою связь со змеей, лишившись первого значения.

Изначально не было иероглифа *змея* (蛇), а был иероглиф *чун* (虫).

На смену пришел другой иероглиф периода цзягувэнь. Это иероглиф *та* (它), который по форме похож на змею с треугольной головой. Первый словарь в Китае так определяет этот иероглиф: «, то есть чун, она как длинная змея, которая задирает хвост. В древности люди жили в степи, они боялись змей. При встрече они обычно обращались к друг другу: «无它乎? Есть здесь змея?» (许慎Сюй Шэнь 1963: 285).

В современном китайском языке иероглиф также потерял значение *змея*, а обозначает местоимение *оно*.

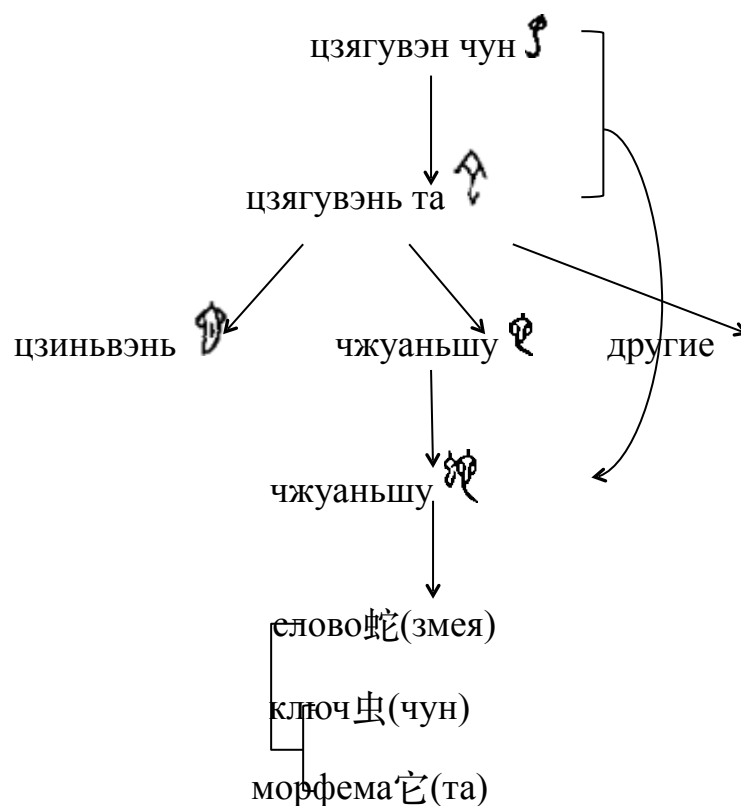
Однако исследователь Гу Янькуи придерживается точки зрения, что «все иероглифы, образованные от корня , связываются с змеей или движением змеи» (谷衍奎Гу Янькуи 2003: 143).

В период китайской каллиграфии иероглиф *змея* приобрел разные формы написания. Так, в системе цзиньвэнь (один из видов каллиграфии) *змея* более образная, она подобна беременной змее, т. к. у неё толстый хвост (тело). В системе каллиграфии чжуаньшу *змея* стало формальной, голова змеи потом стала ключом в китайском языке. Чжуаньшу даже соединило эти две вышесказанные части цзягувэни чун (по Чжуаньшу) и та (по Чжуаньшу), и

создало новое слово , которое сформировало основную форму сегодняшнего иероглифа *змеи*.

Хотя из традиционного иероглифа упрощённой формы много слов изменили свои формы, слово *змея* (蛇) остаётся неизменным. Исходя из Чжуаньшу, это слово тоже имеет две части. Левая часть - 虫(чун) является ключом иероглифа, который определяет свойство слова, чун теперь значит все животные, принадлежащие к насекомым и пресмыкающимся, *змея* это одна из пресмыкающихся; правая часть морфема 它(та) обозначает корень такого слова, та - это *змея*. И поэтому иероглиф чун+та означает *змея*.

Схему происхождения современного иероглифа *змея* в китайской каллиграфии можно представить следующим образом:

Таким образом, начиная с III века, слово *змея* в русском языке уже обладало значением «ползающая тварь» и «пресмыкающееся» и в дальнейшем вбирало в себя дополнительные лексемы. Сравнивая с происхождением китайского слова *змея*, русская *змея* зародилась позднее, но у них одна и та же сема – ‘пресмыкающееся’, и обе *змеи* являются табуистическими знаками.

II.2. Семантический уровень лингвокультуры *змея* в русском и китайском языках

II.2.1. Понятийная основа лингвокультуры *змея* в русском языке

Как уже было сказано выше, лингвокультура вбирает в себя как собственно языковое представление, так и тесно и неразрывно связанную с ним внеязыковую, культурную среду, представляющую собой устойчивую сеть ассоциаций, которые возникают в сознании человека при соприкосновении со словом-сигналом.

Собственно языковое представление фиксируется лексикографическими справочниками. Так, на основе определений толковых словарей с применением метода компонентного анализа нами было выявлено собственно языковое содержание лингвокультуры *змея* в русском языке, что нашло отражение в следующей таблице:

Словарные дефиниции	Семы
----------------------------	-------------

<p>«<u>Пресмыкающееся</u> с длинным извивающимся телом, без ног, обычно с ядовитыми зубами» (МАС);</p> <p>«Пресмыкающееся с удлинённым чешуйчатый телом, не имеющее конечностей, ползучее» (ИЭССРЯ);</p> <p>«Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, часто с <u>ядовитыми</u> железами в пасти» (ТСРЯ Ожегова);</p> <p>«Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, часто с <u>ядовитыми</u> железами в пасти» (ТСРЯ Ушакова);</p> <p>«Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, без ног (обычно с <u>ядовитыми</u> железами в пасти)» (БТСРЯ Кузнецова);</p> <p>«Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, покрытым чешуей (обычно с ядовитыми зубами)» (СТСРЯ Ефремовой);</p> <p>«Пресмыкающееся, безногое животное, четвертый разряд гадов»; «ползучее, безногое животное, разных видов» (Даль).</p>	<p>‘пресмыкающееся’,</p> <p>‘с длинным телом’</p> <p>‘с извивающимся телом’,</p> <p>‘не имеющее конечностей’,</p> <p>‘с ядовитыми зубами/ железами’→</p> <p>‘опасность’,</p> <p>‘с чешуйчатым телом’,</p> <p>‘ползучее’</p>
---	---

Как видим, категориальной семой в анализируемой лингвокультуре является сема ‘пресмыкающееся’, остальные семы (‘с длинным телом’, ‘не имеющее конечностей’, ‘с ядовитыми

зубами/ железамы', 'с чешуйчатым телом', 'ползучее') носят дифференциальный характер.

Собственно языковое содержание лингвокультуры *змея* актуализируется в разных контекстах, давая самое общее представление о реалии:

1. Змея – 'пресмыкающаяся', 'ползучее' (животное):

«Контрабандисты приматывают *змеи* скотчем к ногам. С попытками ввоза в страну различных животных без соответствующих разрешительных документов наши сотрудники сталкиваются достаточно регулярно,—рассказывает Лариса Ледовских, сотрудница пресс-службы Федеральной таможенной службы» (Комсомольская правда, 2013.10.23); «Сойдя с коня, князь наступил на череп мертвой лошади, откуда выползла змея и смертельно ужалила Олега» (Труд-7, 2010.02.10); «Есть еще животные незаметные, известные лишь ученым, и есть легендарные. К их числу принадлежит *змея* с названием кобра» (Комсомольская правда, 2002.03.01); «Черепашу однажды зачислили в земноводные, хотя она —пресмыкающаяся. Потом еще одним земноводным стала *змея*. И ладно бы оклеветали ядовитого гада—безобидного ужа обидели!» (Комсомольская правда, 2002.12.27); «Вот встанут они во весь рост и смотрят—не ползет ли *змея*, не крадется ли волк, не летит ли в небе орел» (Труд-7, 2004.11.25); «Пестрят вкусными подробностями танцы кукол, живущих в сказочном мире Машиных сновидений: тут и испанская страсть под большим красным веером, и французское кокетство на маскараде, обрамленное сердечками, и русский матросский танец, и индийское заклинание *змеи* с помощью пластической медитации...» (РБКDaily, 2013).

Как видим, это нейтральное употребление слова *змея*: оно характеризует либо змей как класс («Черепашу однажды зачислили в

земноводные, хотя она—пресмыкающееся. Потом еще одним земноводным стала *змея*.»), либо отдельного представителя данного класса («Сойдя с коня, князь наступил на череп мертвой лошади, откуда выползла *змея* и смертельно ужалила Олега.»).

2. Змея – ‘пресмыкающееся с длинным телом’: «В их высоко поднятых руках извиваются длинные змеи, отловленные специально к этому дню после зимней спячки» (Вокруг света, 2004.07.15); «Белая, длинная змея плотно обвивает плечо и спину раненого, проскальзывает под мышкой, вокруг шеи, опять на спину» (В окопах Сталинграда, 1946); «Еще одна длинная змея уползла с дорожки...» (Человек-амфибия, 1928).

3. Змея – ‘пресмыкающееся с извивающимся телом’: «Елене показалось, что вместо волос у нее извиваются змеи, как у Гекаты» (Наука и религия, 2007); «Железная перчатка, усаженная шипами, душит змею. *Змея извивается*, хлещет алая кровь. Алая человеческая, а не змеиная, и железные шипы тоже в крови, и весь плакат, как платок, промок от крови» (Факультет ненужных вещей, 1978).

4.Змея – ‘пресмыкающееся с чешуйчатым телом’: «Руки Анны он обвивает толстыми чешуйчатыми змеями. [Эдуард Лимонов. Молодой негодяй (1985); «Чешуя лоснится на теле *змеи*...» (Сингапурский квартет, 2001).

Змея - чешуйчатое животное, с помощью чешуек она перемещается в пространстве, не смотря на то, что у нее нет ног. Данная сема даже влияет на формирования внешности дракона в русском национальном сознании (дракон покрыт чешуйками, как, впрочем, и в китайской культуре).

5. Змея – ‘пресмыкающееся с ядовитыми зубами/железами’:

«Сойдя с коня, князь наступил на череп мертвой лошади, откуда выползла *змея* и смертельно ужалила Олега» (Труд-7, 2010.02.10); «И в горах его укусила ядовитая змея» (Комсомольская правда, 2012.12.04); «Если *змея* вас все же цапнула—немедленно к врачу» (Комсомольская правда, 2012.06.15); «Во-первых, эта *змея* очень ядовитая, во-вторых, она кусает в отличие от гадюки не в ногу, а в живот или шею (куда допрыгнет), и отсосать яд у себя, даже если не сразу потеряешь сознание, невозможно» (Комсомольская правда, 2005.12.17); «Каждый день я ложился спать и молился, чтобы кого-нибудь не укусил скорпион или змея, чтобы все были здоровы» (Труд-7, 2010.11.19); «Ранее в июне на пляже в восточной части Южного берега Крыма пострадала туристка из Волгограда — женщину укусила змея» (РИА Новости, 2009.09.19); «По убеждению аборигенов, необычная *змея* очень агрессивна—бросается на человека, причем укус ее смертелен.» (Комсомольская правда, 2006.04.18).

Как видим, рассматриваемая сема выявляется через лексемы *ужалить, укусить, цапнуть, пострадать от кого-л., бросаться на кого-л., смертельный укус*, входящие в круг сочетаемости лингвокультуры *змея*.

Данная сема, как следствие, предполагает наличие семы ‘опасность’, которая не фиксируется толковыми словарями, но подсказывается контекстуальным употреблением. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть сем ‘опасность’ ‘страх’ при определении языкового содержания лингвокультуры *змея*.

6. Змея – ‘опасность, страх’: «Вообще слово «*змея*» у меня ничего, кроме ужаса, не вызывает: если вдруг увижу, могу упасть в обморок — очень их боюсь» (Труд-7, 2009.12.08); «А работа в пустыне

очень опасная: там много тварей, например, *гремучая змея* и ядовитый черный скорпион или королевская кобра» (Труд-7, 2009.06.19); «В средней полосе России единственная опасная змея—гадюка» (Труд-7, 2008.05.15). «- пресс-секретарь мэра и его правая рука Светлана опасливо держала трубку, словно там поселилась *змея*» (Комсомольская правда, 2012.11.23); «Он и глазом не успел моргнуть, как неизвестно откуда взявшаяся огромная *змея* обвилась вокруг него и начала душить»(Комсомольская правда, 2013.05.28).

Змея всегда воспринималась русским национальным сознанием как опасное животное, поскольку укус змеи ядовит и часто смертелен, а обвившаяся вокруг человека змея способна задушить, что подтверждается представленными контекстами.

II.2.2. Понятийная основа лингвокультуремы змея в китайском языке

Словарные дефиниции	Семы
----------------------------	-------------

«爬行动物Пресмыкающееся» (辞海Море слов);

«爬行动物，身体细长，体上有鳞，没有四肢。以蛙、鼠为食Пресмыкающееся, тело удлинённое и с чешуей, без ног, питается лягушками и мышами» (中华大字典Большой словарь Китая);

«爬行动物，身体圆而细长，有鳞，没有四肢Пресмыкающееся, тело удлинённое и трубчатое, с чешуей, без ног» (中华字海Море иероглифов);

«爬行动物，身体圆而细长，有鳞，没有四肢，吃青蛙等小动物Пресмыкающееся, тело удлинённое и трубчатое, с чешуей, без ног, питается лягушками и маленькими животными» (现代汉语词典 Современный словарь китайского языка);

«爬行动物。体圆而细长，有鳞，无四肢。捕食蛙、鼠等小动物Пресмыкающееся, тело удлинённое и трубчатое, с чешуей, без ног, питается лягушками и мышами» (汉语大词典 Большой словарь китайского языка);

«體圓長，無四肢，有鱗，口大，舌細長

‘пресмыкающееся’,
‘тело удлинённое’,
‘тело с чешуей’,
‘тело трубчатое’,
‘без ног’,
‘питается лягушками и мышами’,
‘линяет’.

Как видим, сема ‘пресмыкающееся’ также занимает центральное место в китайском языке. На периферии другие семы (‘тело удлинённое’, ‘тело с чешуями’, ‘тело трубчатое’, ‘без ног, питается лягушками и мышами’, ‘линяет’). Среди всех сем змеи китайского и русского языка, можем заметить несколько аналогических аспектов: ‘пресмыкающееся’, ‘тело удлинённое’, ‘тело с чешуями’, ‘без ног, что даёт возможность формировать универсальные характеристики змеи.

Эти семы актуализируются в следующих контекстах.

1. Змея – ‘пресмыкающееся’: «大家知道，田野里的一些两栖、爬行类动物，如青蛙、蛇类等，是捕食作物害虫的能手，成了庄稼“守护神”。(Всем известно, некоторые земноводные и пресмыкающиеся в поле, как лягушки, змеи, которые ловят насекомых, носят имя «защитник земли»» (人民日报, 1996年Газета"Народ", 1996).

В китайском национальном сознании змея ассоциируется с ползающим на земле животным, как и в русском сознании, является пресмыкающимся. Змея и другие пресмыкающиеся (как ящерица) создали образ китайского дракона: «龙的原型是生物界现实存在的蜥蜴、大蛇、大蛟等爬行类动物(Прототипом дракона являются реальные пресмыкающиеся в природе» (阴法鲁, 中国古代文化史 阴ь Фаро, История древней китайской культуры).

И некоторые характеристики пресмыкающегося подтверждаются следующими контекстами.

2. Змея – ‘тело удлинённое’: «在狗熊、豹子出没的山上，她和战友们搭起窝棚，一条条长蛇常常光顾窝棚潮湿的地铺。(«На горе

она строила шалаш с товарищами, удлинённая змея часто посещала шалаш одна за одной») (年报刊精选Сборник газеты 1994 года).

Поскольку тело змеи удлинённое, часто сравнивают змею с верёвкой, дорогой и очень длинными предметами. В Китае известна поговорка: «однажды ужаленный змеей десять лет и колодезной веревки боится», что даёт нам представление издревле о змее как существе длинном. В России существует эквивалентная поговорка «обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду».

3. Змея – ‘тело с чешуей’: «他的表情, 让与会者们联想到在某个古老的年代, 草丛中蛇的鳞片反射的月光(Его экспрессия лица напоминает ученым чешую змеи, которые в траве отражают луч луны)» (刘慈欣, 三体Лю Цысинь, Задача трёх тел); «月光下的林间小路比作闪闪发光的蟒蛇的鳞皮,把照在行人手上的亮光和暗影比作爬动的蜘蛛(Лесная дорожка под луной подобна сияющей чешуйчатой коже питона, и сияние на руки прохожих подобно пауку...)» (当代世界文学名著鉴赏词典Словарь современной мировой литературы).

4. Змея – ‘тело трубчатое’: «黄山的栏杆扶手还有随台阶山势蜿蜒[蛇]行的呈[圆]棍状的一种, 您拉着它上山, 会感到很舒服, 很省劲, 而且待到您要停歇的终点时, 这扶手竟然变成了一个昂起的蛇头Поручни на горе Хуан извиваются по амплитуде, как трубчатая змея, когда вы держите их, будет комфортабельно и удобно ходить по лестнице. И на конце лестницы поручни становятся головой змеи» (人民日报, 1998年Газета"Народ", 1998); «它们把天生就的头上十只腿[脚]在难以形容地胡乱抓爬, 好像小孩玩的蛇形吹气管子。...их

ноги болтаются беспорядочно, вроде змеевидной трубы» (凡尔纳, 海底两万里 Жюль Верн, Двадцать тысяч льё под водой)

5. Змея – ‘без ног’: «6岁开始跟部落的妇女外出跟踪像蜥蜴和蛇之类蠕动爬行的小动物的痕迹; 11岁时被允许参加男人们的狩猎追捕, 跟踪较大的凶猛动物。С 6 лет он начал выслеживать след змей и ящериц, как они ползли по земле; с 11 ему позволяли участвовать в охоте» (王晋军, 澳洲土著的“绝活儿” Ван Джинцзюнь, Уникальное мастерство аборигенов Австралии).

В Китае известна история о двух людях, которые рисовали змей на спор: кто первый закончит, тот и выиграл. Они начали рисовать, когда один из них закончил, он посмотрел на рисунок другого и заметил, что тот ещё далек до конца. Тогда он решил подретушировать свою змею, добавил ей несколько ног. Тогда второй сказал первому: «Вы проиграли, потому что змея не имеет ног». Так возникла поговорка 画蛇添足 (нарисовав змею, пририсовать ей ноги), когда люди хотят отметить лишнюю, ненужную работу.

6. Змея – ‘питается лягушками и мышами’: «叫你做点事情, 你竟放老鼠去咬人? 豹大人, 你不用怕, 我放一条蛇进去吃那些老鼠 (Ты позволил своим мышам кусать людей? Генерал Бао, не бойтесь, я пустил змею, и пусть она съест всех мышей» (周星驰, 九品芝麻官 Чоу Стивен, Да здравствует судья!).

Примечательно, что в традиционном сознании китайцев, змея питается лягушками и мышами, она представляет собой врага лягушек и мышей. Именно поэтому змею считают защитником посевов и именно поэтому змея получила такой положительный оттенок в китайском национальном сознании.

7. Змея – ‘линяет’: «往年，她集蝉蜕，捡蛇皮，采枸杞子卖给药店，换几十个铜钱埋在一棵榆树下，等到树叶落光(В предыдущие годы, она подбирала оболочки личинок цикад и змеиную кожу, собирала годжи и продавала их в аптеках, и зарывала десятки монет в землю, пока деревья не обнажались» (陆文夫, 人之窝 Лу Вэньфу, Шайка людей).

В китайской культуре змея, так же, как и в русской, связывается с медициной. Змеиный выползок – это одно из лекарств в китайской медицине, и по мифологии змея может различать разные лекарственные травы.

Таким образом, анализ понятийной составляющей лексемы змея свидетельствует о близком представлении о змее в русском и китайском национальном сознании: змея – пресмыкающееся с удлинённым чешуйчатым и извивающимся телом, у неё нет ног. Однако сема ‘ядовитая’, зафиксированная лексикографическими справочниками русского языка и находящая подтверждение в контекстах Национального корпуса, не находит отражение в лексикографических справочниках и контекстах в китайском языке.

II.2.3. Коннотативный аспект лингвокультуры змея в русском языке

По справедливому замечанию В.В.Воробьева, «культура с семиотической точки зрения - всегда воздействующий на человека фактор, поэтому особая роль в ее знаковой модели принадлежит прагматике, в собственно языковом плане эмоционально-коннотативному аспекту». (Воробьев 1997: 42).

Именно этой своей особенностью единицы, выражающие культурные реалии, производят такое яркое воздействие, особенно очевидное при сопоставлении разных лингвокультур, как, например, русской и китайской, как в нашем случае.

Исследуемая лингвокультурема, обозначаемая в русском языке лексемой *змея*, наряду с самым общим (существенным и неизменным) представлением о реалии действительности, свойственным всем явлениям этого класса фауны, обладает целым набором сем, сформировавшихся на базе категориальной и дифференциальных сем, рассматриваемых в предыдущем параграфе.

Так, толковыми словарями зафиксировано переносное значение лингвокультуремы *змея* в характеристике человека ('коварный', 'хитрый', 'злой', 'злобный', 'скрытный').

Ср.:

Словарные дефиниции	Семы
<i>перен.</i> «О коварном, хитром, злом человеке» (МАС)	'коварный человек', 'хитрый человек',
<i>перен.</i> « <u>Коварный</u> , хитрый, злой человек» (СТСРЯ Ефремовой);	'злой человек', 'злобный человек',
<i>перен.</i> «Злой человек, скрытый и злобный» (Даль)	'скрытный человек'

Ср.: «Поэтому, когда весть о том, что Гаркушины, жена и дочь, заказали убийство кормильца, разнеслась по маленькому подмосковному Наро-Фоминску, знакомцы семьи дружно ахнули: «И чего этим бабам было еще надо?» *Змея* в шоколаде Оксана Гаркуша, единственная дочка, обожаемая родителями, к двадцати годам превратилась в пышнотелую даму с цепким взглядом и ядовитым язычком» (Комсомольская правда, 2001.09.24); «А идею

использовать бижутерию в дипломатических целях, по словам Олбрайт, ей подсказал... Саддам Хусейн! "Редкостная *змея!*" - так назвал Олбрайт, которая во время первой войны в Заливе представляла США в ООН, бывший иракский правитель, не слишком-то стеснявший себя дипломатическим протоколом. И тут ее осенило—Олбрайт появилась с брошью в виде *змеи*» (Известия, 2009.10.22); «Когда умной ты родилась, // Так зачем же мою голову // Ты сгубила, *змея лютая?*» (Труд-7, 2003.05.15); «Как ты могла? Ты поступила подло, ты просто убила меня! И улыбка твоя ядовита! Ты *змея!* Не осознавая, что я и люди бара—одна банда, Алекс орал на меня так, что вышибалы ежесекундно порывались мне на помощь, и приходилось жестами останавливать их.» (Комсомольская правда, 2011.10.13); «Старший Чавес был не только опасный панчер, он был хитер как лис и коварен как *змея*» (Известия, 2011.11.20); «Мы выждем и нападаем, как *змея*» (Комсомольская правда, 2013.07.25) .

Как видим, в русском сознании *змея* традиционно ассоциируется со злым, коварным человеком, человеком, способным на подлость и даже убийство. Но примечателен и тот факт, что в современных контекстах вторичная номинация лексемы *змея* распространяется на политические контексты, где *змея* связывается с терроризмом: «Мевлут Джавасоглу, депутат ПАСЕ от Турции: "Если даже эта *змея* не жалит, ее надо убивать". Мы все выступаем против терроризма и ужасных трагедий, которые происходят в разных странах и на разных континентах. Но нам надо определиться с понятием терроризма. Двойных стандартов быть не должно» («Известия», 2005.09.02),

При этом, коннотативный смысл *змеи* основан на представлении членов этносоциума о змее спрятавшейся,

притаившейся, невидимой и потому особенно опасной. В русском языковом сознании зафиксирован фразеологизм *змея подколотная*, который обусловлен внеязыковой информацией, нашедшей отражение в словарях этнографического, энциклопедического типа, в Википедии и фрагментарно в некоторых толковых словарях, как, например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

Так, относительно происхождения устойчивого выражения *змея подколотная* имеет место следующая информация:

Зимой змея впадает в спячку, а для этого ищет укромное место, например, под колодой (колодой раньше называли бревно, из которого вырезали середину и делали что-то наподобие корыта, из которой ест скотина). Во время спячки яд у змеи застаивается и поэтому особенно опасен. Поэтому *подколотная змея* – самая ядовитая. С таким «настоявшимся» ядом русское языковое сознание сравнивает подлость, коварство человека, который до поры до времени скрывал свою злость, чтобы потом в удобный момент укусить врага (Википедия).

Ср.: «Наташа—*змея подколотная*, а бедный Николаев рыдает и всему миру рассказывает о пяти причинах своей боли» (Комсомольская правда, 2002.05.17).

В русских пословицах также *змея* часто связывается со злым человеком, который творит зло своему спасителю: *Сколько змею ни держать, а беды от нее ждать. Выкормил змейку, на свою шейку. Глядит, словно змея из-за пазухи. Лстец под словами, змей под цветами. Отогрел змею за пазухой (или на груди); змею на(своей) груди отогреть/пригреть/согреть.*

Ср: «Я обращался с ним, как отец родной, и воистину *отогрел змею!*»(Золотая цепь, 1926).

Примечательно, что в русском языковом сознании *змея* ассоциируется исключительно с женщиной:

Сваха лукавая, *змея* семиглавая! Лучше жить со *змеєю*, чем со злою женою. Злая жена та же *змея*. Жена да муж - *змея* да уж, т. е. одна порода, заодно.

Интересен следующий контекст: «Кольцо замкнулось, *змея* укусила себя за хвост и отравилась собственным ядом—ни заплаченных денег, ни водопровода» (Комсомольская правда, 2011.11.16), где коннотация, основанная на актуализации семы 'ядовитая', дает возможность описать бытовую ситуацию.

Образ змеи не всегда отрицательный, он «носит амбивалентный характер» (Галай, 2015). Наряду с отрицательной коннотацией, в русском национальном сознании бытует представление о *змее*, фиксируемое Большим лингвострановедческим словарем (Россия), как о существе мудром: «*Змея* помогает человеку мудрым советом» (Россия 2007: 204). Отсюда, по-видимому, и следующие контексты: «Будь у Робинсона прозвище "*Змея*", он бы сообразил, что пора проявить гибкость и мудрость...» (Труд-7, 2009.03.27). «Про *змею* всегда говорят, что они мудрые. Почему?» (Еженедельник "Аргументы и Факты" № 17 25/04/2012); «Тактика мудрого змея, или пять ловушек для новичка» (<http://www.psylive.ru/articles/>).

Восприятие *змеи* как носителя мудрости, глубокого понимания сущности вещей, рационального видения мира связано, пожалуй, с библейским контекстом. Так, в Евангелии от Матфея есть

свидетельство, что Христос сказал: «Будьте мудры, как *змеи*, и просты, как голуби». (Мф. 10, 16).

В русской культуре (вслед за европейской) *змея*, обвившая чашу, стала эмблемой медицины.

Змею удостоили чести стать символом здравоохранения благодаря яду, который используется в медицинских целях. Бытует мнение, что змея очутилась на эмблеме и потому, что она делится своей мудростью с врачами, поскольку на них лежит груз ответственности за человеческие жизни. Таким образом, чаша символизирует сосуд, в котором находится исцеляющий яд змеи и, одновременно, является вместилищем знаний, мудрости и бессмертия. Бессмертие связывается со свойством змеи ежегодно сбрасывать кожу, благодаря чему она как бы обновляется, омолаживается, что дало основание древним считать змею вечно живущим существом.

Национальный корпус русского языка представил нам контекст, в котором змея выступает в качестве символа наказания за грех.

Ср.: «Гадалка, к которой обратилась за помощью Джина, считает, что *змея* является символом наказания за какой-то грех и что для спасения души бабушки за нее нужно молиться (Комсомольская правда, 2014.07.07).

Контексты Национального корпуса русского языка обнаружили также вторичную номинацию лексемы *змея*, основанную на сравнении с ее возможностями образовывать изгибы, кольца.

Ср.: «Костюмы и музыкальные инструменты из половины земного шара выстраиваются в длинного пестрого змея.» (Известия, 2014.07.03); «Дремотная жара... Дорога-змея на Феодосию. Ну и, конечно, ласковое-ласковое море...» (Комсомольская правда, 2011.07.22) «Великая змея медленно ползла по Кутузовскому, поблескивая тысячами металлических чешуек, лениво сворачивала к Крылатскому, терлась там бок о бок с МКАДом, обвивающим Москву удавьим кольцом, и не было видно этой зме ни конца, ни края...» (Комсомольская правда, 2010.06.02); «Минуя барьер и дойдя до павильона, я развернулся и пошел обратно: около входа в галерею стояла невероятных размеров очередь. Эта змея состояла из 200-300 человек и все время росла.» (Комсомольская правда, 2010.05.16) «Итальянские коллеги придумали звучное словечко для того, что организаторы «Джиро» приготовили на 12-м этапе, – «макси-кроно». Это в самом деле надо было наименовать как-то по особенному – ничего подобного в новейшей истории Гранд Туров велосипедисты не ехали. 60 километров, деформированные шестью сотнями поворотов. Серпантин – от латинского *serpento* – змея.» (Советский спорт, 2009.05.22); «Возле «Ашана» длинная змея бесполезных тележек. Неожиданно внутри что-то заморгало.» (Комсомольская правда, 2005.05.25); «Мы стояли с утра до вечера в этих смешных синих шапочках с олимпийскими кольцами и помпонами в непроницаемых куртках, образовывая длинные, извивающиеся змеи, которые практически не двигались» (Русский репортер, 2014); «Так что через час аэродром напоминал таких же

китайских длинных змеев — только уже из российских граждан, жаждущих заполучить заветный бесплатный сувенир» (Известия, 2001.06.18).

Как видим, здесь актуализируется сема со значением: “нечто длинное, образующее изгиб, кольца, зигзаг”, фиксируемое в лексикографических справочниках в качестве наречия *зме́й* (БТСРЯ 2000:367). По данным нашего материала, лексема *змея* подвергается процессу метафоризации и образно номинирует длинную магистраль, протяженный архитектурный объект или мост или толпу, очередь, вереницу людей.

В русских лексикографических справочниках фиксируется и мужской вариант лексемы *змея* – *зме́й/зми́й* с пометой «книж.,устарев, обл.». Наряду с семой, общей для лексем *змея* и *зме́й/зми́й* (‘то же, что змея’), в лексеме *зме́й* обнаруживаются толкования, уходящие своими корнями в область мифологии и материальной культуры. Безусловно, внутренняя связь с первообразом – *змеей* как представителем вида пресмыкающихся сохраняется.

Ср. данные толкования:

Словарные дефиниции	Семы
----------------------------	-------------

<p>‘2. Сказочное чудовище с туловищем змеи. <i>Змей</i> Горыныч (в сказках: имя этого чудовища)’(Ожегов);</p> <p>‘Змей, более употребляется <u>как название сказочного чудовища, лапчатого, крылатого</u>; Змей Горыныч, русский сказочный змей, житель горы, пещеры’(Даль);</p> <p>‘2. <u>Мифологический образ</u> крылатого чудовища с туловищем змеи, <u>дракон</u> (нар.-поэт.). Змей-Горыныч. ’(Ушаков);</p> <p>‘1. Сказочное крылатое чудовище с туловищем змеи, пожирающее людей и животных; дракон.’ (Ефремова);</p> <p>‘2.Сказочное крылатое чудовище с туловищем змеи. — А был тут под самым городом с незапамятных времен страшный змей. И жил тот змей в пещере, и ел народ поедом. Гл. Успенский, Кой про что.’ (МАС); «В Библии змей выступает как <u>олицетворение сатаны</u> » (БФСРЯ)</p>	<p>‘Сказочное чудовище с туловищем змеи’,</p> <p>‘крылатое чудовище’,</p> <p>‘Змей Горыныч’,</p> <p>‘Мифологический образ крылатого чудовища с туловищем змеи’,</p> <p>‘дракон’</p> <p>‘олицетворение сатаны’,</p>
--	--

<p>‘Змий-искуситель (книжн., часто ирон.) - тот, кто вводит в искушение, искуситель [по библейскому сказанию о грехопадении Адама и Евы, которых искусил змий]’ (Ожегов);</p> <p>‘2. Дьявол-искуситель, представший перед Евой в образе змеи (в библейской мифологии), 2. перен. Коварный, хитрый соблазнитель’ (Ефремова);</p> <p>‘Дьявол в образе змея (в христианской мифологии).’ (Ушаков)</p>	<p>‘искуситель’,</p> <p>‘дьявол’</p> <p>‘коварный и хитрый соблазнитель’</p>
--	--

Как видим, лексикографические справочники в большей степени отражают информацию со ссылкой на Библию, произведения устного народного творчества (сказки), христианскую мифологию. В «Современном толковом словаре» под ред. Т.Ф. Ефремовой представлена «культурная картинка» с описанием гастрономических вкусов чудища и приводится синоним этому персонажу – дракон. Дракона упоминает и Д.Н. Ушаков в своем «Большом толковом словаре современного русского языка». В МАСе представление о сказочном чудовище поддерживается иллюстрацией из художественного произведения. Семантизация *змея* и *змия* при этом дифференцируется: *змий* связывается исключительно с искушением Евы, а *змея* – образом сатаны (**сатана** – ‘По религиозным представлениям: злой дух, воплощение злого начала,

властелин ада, дьявол, черт' (БТСРЯ 2002: 1149). «В западном искусстве змея стала основным символом зла, греха, искушения или обмана»(Цит. По: Кривоносова, 2014)

Данные семы актуализируется в следующих контекстах Национального корпуса русского языка:

змей/змея-искуситель:

«А находился «Предбанник», сей *Змей-искуситель-успокоитель*, за углом, на пути в «Контору» (Комсомольская правда, 2013.05.08); «Активизируется "*змея-искуситель*", дух плоти человека, который расслабляет, делает неустойчивым перед соблазнами и искушениями» (Труд-7, 2007.10.26); «День проходил за днем, и вот крошечный 11-дюймовый MacBook Air медленно, но верно, как маг-магрибинец, входил в мое доверие и, как *змей-искуситель*, соблазнял душу» (РБК Дейли, 2011.07.19); «*Змей-искуситель* способен расставить ловушки. Поэтому хорошо подумайте, стоит ли сегодня браться за решение серьезных задач, связанных с финансами, чувствами, приобретать крупные и дорогие вещи...» (Труд-7, 2008.01.23); «Тут возникает некий *змея-искуситель*—вроде того лощеного типа, что в "Роковых яйцах" уговаривает профессора Персикова продать за границу "луч жизни"» (Известия, 2006.03.01); «Я готов к роли *змея-искусителя*, — заявил акционист Дмитрий Пименов»(Известия, 2012.10.18).

Русские люди – православные христиане. В христианстве существует легенда о *змее-искусителе*, олицетворении дьявола, который обманном путем сделал так, что Ева съела яблоко, которое запретил Бог, за что она и ее муж Адам были навсегда изгнаны из Рая. Образ *змея-искусителя* является одним из важных понятий в русском мировоззрении, что, несомненно, повлияло и на

синтагматические особенности контекстов употребления слова *змей*: способен расставить ловушки, *Змий-искуситель-успокоитель*; соблазнял душу; расслабляет, делает неустойчивым перед соблазнами и искушениями.

Именно на библейском сюжете и строится следующий контекст, где *змий* определяется как *древний* и соотносится с дьяволом и сатаной: «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Анна Егорова. Архангел // «Пятое измерение», 2002).

Со *змием-искусителем* связываются в русском национальном сознании смерть, грех, расширение границ зла: «Кстати, по ближневосточной версии вместо яблока *змий* искушал Еву другим плодом, гранатом, похожим на тот, что венчает перстень из серебра и аметистов от российского ювелира Елены Окутовой.» (Вероника Гудкова. Друг сердечный // РБК Дейли, 2012.02.10); «*Змий-Сатана* делает свое страшное дело. (Евгений Весник. Дарю, что помню (1997)); «Снятие табу и расширение границ дозволенного проповедовал еще *змий* Адаму и Еве, причем весьма успешно — границы так расширились, что в мир пришли грех и смерть. (Максим Соколов. Расширение границ дозволенного // Известия, 2012.08.21).

Встречается лексема *змей/змий* и в устойчивом образном названии пагубной зависимости от алкоголя - во фразеологизме *зеленый змий* (ФСРЛЯ).

Например: «А главная опасность для выпускников—*зеленый змий*, который как-то всегда прорывается на такие праздники,—объявил заместитель мэра Москвы Леонид Печатников» (Комсомольская правда, 2013.05.20); «Влад Галкин

умер от сердечной недостаточности на фоне отравления алкоголем. Увы, не он первый... *Зеленый змий* в той или иной мере сыграл роковую роль в череде смертей многих талантливых и любимых российских актеров. Об этом не принято говорить, об этом просто все и так знают» (Комсомольская правда, 2010.03.03); «*Зеленый змий*» также весьма пагубно сказывается на местных бюджетах – годовой ущерб от преступлений, хулиганских выходок и беспорядков, причиной которых стало алкогольное опьянение, составляет от 8 до 13 млрд фунтов.»(РБК Daily, 2010.01.20); «Так вот, коварный "зеленый змий" и в дозах, которые считаются безопасными с 1 июля, может сыграть с водителем злую шутку. Как раз из-за того, что он меняет настроение» (Труд-7, 2008.07.03); «Совсем недавно он уверял, что пить россияне стали меньше и смертность от отравлений алкоголем сократилась: в 2005 году *зеленый змий* уморил 40 877 граждан страны, а в 2006-м—26 386» (Комсомольская правда, 2007.04.11); "*Зеленый змий*" погубил не одного хорошего артиста. Как вашему отцу удалось избежать столь пагубной привычки? - Он был слишком увлечен работой, чтобы тратить время на выпивку. Пили в основном одинокие артисты, а рядом с ним была моя мама» (Труд-7, 2000.11.22); «Как рассказали «Новому Региону» в службе спасения «Сова», в минувшую субботу Наталья Жукова не устояла перед соблазном «зеленого змея» и принялась пить водку» (Новый регион 2, 2008.08.04).

Как видим, фразеологизм *зеленый змий*, являющийся синонимичным обозначением *алкоголя, спиртных напитков, пьянства*, сочетается с глаголами *уморил, погубил, сыграл роковую роль в череде смертей*, прилагательным *коварный*, что поддерживает

дифференциальные семы (прямые и переносные) лингвокультуремы *змея*, рассмотренные выше.

Аналогичный пример: «Чтобы попасть на прилавок, наш друг-змей должен быть отмечен специальной акцизной маркой, которая показывает покупателю, что приобретенный им продукт самого что ни на есть натурального заводского происхождения.» (Максим Милованов. Естественный отбор (2000)). Этот пример интересен тем, что здесь по отношению к алкоголю употребляется просто слово *змей* без традиционного определения «зеленый». Наше понимание контекста и иронии автора говорит о том, что слово *змей* в значении алкоголь настолько прочно вошло в лексикон, что вызывает у нас соответствующие ассоциации уже и без привычного эпитета.

Поскольку пьянство приписывается русским национальным сознанием к характерным чертам русских, фразеологизм *зеленый змей* приобрел культурный смысл, обусловленный уподоблением алкоголя коварному библейскому змею-искусителю, из-за которого Адам и Ева были изгнаны из рая.

Русский человек не знает меры в употреблении алкоголя, что часто чревато негативными последствиями, когда пьянство становится национальной трагедией.

Ср.: «И президент предположил, что иностранные коллеги не совсем понимают, что значит в России *зеленый змей*.» (Александр Юнашев. Путин объяснил, чем G20 эффективнее G8 // Известия, 2013.06.20)

Раскрывает тему пагубного влияния алкоголизма и следующий пример: «*Зеленый змей*» также весьма пагубно сказывается на местных бюджетах – годовой ущерб от преступлений, хулиганских

выходок и беспорядков, причиной которых стало алкогольное опьянение, составляет от 8 до 13 млрд фунтов. (Евгений Басманов. Британцы станут меньше пить // РБК Daily, 2010.01.20), где неумеренное употребление алкоголя становится причиной хулиганства, что, в свою очередь, ведет к разрушениям, поломкам имущества и нанесению различного ущерба. Как свидетельствует контекст, при этом, не только русские люди имеют подобные проблемы.

Таким образом, водка – неотъемлемая часть русской культуры, культуры гостеприимства, праздничного застолья. Выражение же *зеленый змий* обозначает злоупотребление спиртным, отсюда исключительно негативная коннотация, заложенная в данном фразеологизме: с одной стороны, водка воспринимается как искушение (по аналогии с библейским запретным плодом), с другой стороны, как яд (ведь змеи ядовиты и их укус часто смертелен). Еще в древнерусской литературе мы встречаем «Повесть о Горе-Злосчастии», где повествуется о несчастном человеке, ум которого затмил и душу которого погубил алкоголь.

По данным нашего материала, устойчивое выражение *зеленый змий* обнаруживает и некоторую трансформацию в составе. Так, по аналогии с устойчивым словосочетанием *зеленый змий*, обозначающим алкоголь, появилось устойчивое сочетание *голубой змий*, обозначающее табак. Такое выражение развилось на основе общей семы у слов *алкоголь* и *табак*, это сема – ‘дурманящее, пьянящее вещество, вызывающее привыкание’ (например, табачный дурман): «Табачный дурман с разумом не ладит. Табачный дым – голубой змий.» (Александр Мешков. Диброва и Вишневого теперь можно курить // Комсомольская правда, 2013.04.26).

Или расширение семантики устойчивого выражения, обусловленное контекстом: «Вьется **зеленый змий** с хвостом из марихуаны.» (Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)) при номинации наркотиков.

Интересен еще один признак лингвокультураны **змий**, который мы обнаруживаем в Национальном корпусе русского языка в качестве прообраза Распятия: «Ведь для христианского сознания **Медный змий** есть прообраз Распятия: «Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах; и как Моисей вознёс **змию** в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому; дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3: 13-15). (Светлана Степанова. Чудо веры и гибельность неверия. «Медный змий» Фёдора Бруни // «Наука и религия», 2010).

Змей - дракон:

Прежде всего, лингвокультураны **змей/змий** актуализируется в значении ‘животное (часто волшебное, сказочное) с тонким извивающимся скользким телом’ и является персонажем легенд, средневекового эпоса, фольклора разных народов. В современных контекстах **змей/змий** представляется как существо человеку враждебное, с ним боролись рыцари и богатыри. Победивший **змея/змию** становится героем.

Ср.: «В XII веке жили на русской земле княжеский сын Петр и девица Феврония. Убил Петр поганого змея. Но, совершив этот подвиг, заболел княжич проказой» (Комсомольская правда, 2006.07.03); «В нем повествовалось о том, как святой воин Георгий спас царскую дочь от чудовищного змея-людоеда, усмирив его при помощи креста и молитвы, а затем пронзил **змея** копьем» (РИА

Новости, 2006.05.06); «Вспомнил мамин рассказ, что жители деревни не раз видели в озере приходившего пить змея с большим гребнем. Многим приходилось убегать от летающего змея. А спастись от него можно, лишь убегая зигзагами.» (Комсомольская правда, 2006.04.18); «Победа красных, это и есть как бы приход беспощадного, безжалостного змея...» (Труд-7, 2006.04.13); «В мультфильме Ильи Максимова молодой гонец, влюбленный в княжескую племянницу Забаву, должен вырвать ее из коротких, но цепких лапок Змея Горыныча»(Известия, 2006.03.21); «На гербе Москвы Георгий убивает змея, а покровитель Каталонии (чья столица—Барселона) Святой Георгий убивает дракона» (Известия, 2006.03.03) «Свое название астероид получил в честь древнеегипетского бога Апопа (в древнегреческом произношении—Апофис)—огромного змея-разрушителя, который живет в темноте подземного мира и пытается уничтожить Солнце (Ра) в течение его ночного перехода.» (Комсомольская правда, 2013.01.10).

Или еще пример: «В иконографии святого Георгия Победоносца черный змий попирается копытами коня, который всегда изображается ярко-белым.» (Основы социальной концепции Русской православной церкви // «Альфа и Омега», 2000), где чтобы подчеркнуть враждебность такого существа, как змий, автор использует антитезу: «черному змию» противопоставляется «белый конь».

В русских былинах также описывалась борьба отважных и сильных богатырей с чудом-юдом, представляющим из себя чудовище со множеством змеиных голов, которые вырастают снова и снова, когда их отрубают. К примеру, есть русская народная сказка «Иван крестьянский сын и Чудо-Юдо». Также в русской волшебной

сказке есть персонаж *Змей Горыныч*. Очень популярна легенда о русском христианском святом Георгии-Победоносце. Он заколол своим копьем коварного *змея*, опустошавшего землю одного языческого царя в Бейруте. (В русском национальном сознании этот архетип крайне важен. Не случайно на монетах до сих пор есть это изображение. Таким образом, для носителя русского языка очень важна сема 'дракон', заложенная в лексеме *змей*. *Змей-дракон* в русском национальном сознании маркирован отрицательной оценочностью.

Змий – мудрость:

Этот признак рождается в сознании носителей русского языка на базе традиционного универсального для всех культур символического значения при положительной оценке человека:

«— Ты мудр, как *змий*, и прекрасен, как солнце!» (Л. А. Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца (1912)); «Он и тут был мудр как *змий* и кроток как голубь.» (Ирина Ратушинская. Одесситы (1998)); «Достоевский был *змий*, открывший познание путей отъединенной, самодовлеющей личности и путей личности, полагающей свое и вселенское бытие в Боге.» (С. Г. Бочаров. Холод, стыд и свобода. История литературы sub specie Священной истории (1995)); « - Только не это,—крутил головой Геннадий Николаевич. Познер ухмылялся, как *змий*. Кстати, идею о генерал-губернаторстве Трошева Немцов не сам изобрел. (Сергей Тютюник, полковник запаса, главный редактор газеты Южного военного округа Военный вестник Юга России. Окопный генерал, замиривший Кавказ // Комсомольская правда, 2012.03.14); *Змий* открывал перволюдям глаза, являясь символом Высших Предков, искушавших человека могуществом разума и его возможностями.» (Михаил Елизаров. Pasternak (2003)).

Далее. На мифологическом, сказочном образе *змея* основываются следующие переносы:

‘3. Детская игрушка, запускаемая на нитке в воздух, представляющая собой легкий каркас, обтянутый бумагой или материей. 4. То же, что *воздушный змей*’ (МАС);

‘детская игрушка, приправленный к лучинкам лист бумаги, пускаемый по ветру на возжице, с привешенным к нему хвостом, с трещоткой и пр.’ (Даль);

‘Поднимающийся и удерживаемый на длинной нитке лист бумаги или кусок ткани с наклеенными на нём тонкими деревянными планками. Бумажный з. Склеить змея. Запустить змея.’ (Ожегов);

‘вообще легкое летательное устройство с несущей плоскостью обтяжным каркасом’ (Ожегов);

‘поднимаемое высоко в воздух привязное метеорологическое устройство’ (Ожегов);

‘Употребляющийся преимущ. для атмосферических наблюдений прибор из тончайших деревянных планок или проволоки, обтянутых бумагой или материей, прикрепленный к веревке или нитке

‘детская игрушка’

‘летательное устройство’

‘прибор/ метеорологическое устройство ’

Все приведенные семы взаимосвязаны и обусловлены внутренней формой (вторичной по отношению к изучаемому нами объекту – *змее*). Воздушный *зме́й* как летательное устройство образно опирается на представление членов русского этносоциума о сказочном персонаже – *Змее Горыныче*. Контексты, демонстрирующие функционирование лингвокультуры *змея*, не обнаруживают какие-либо коннотации, кроме образности (похожести на дракона из сказки): воздушный змей представляет собой наклеенный на деревянный или металлический каркас кусок плотной бумаги или ткани, на веревке запускаемый в воздух и способный продержаться там некоторое время при условии наличия ветра. Змеем данную конструкцию прозвали за то, что она, как правило, имеет тканевый «хвост», который красиво свисает, когда *зме́й* парит в воздухе.

Ср.: «Может быть, потому, что на написание книги Стивена Кинга подтолкнул мальчик, запускающий змея на морском берегу.» (Известия, 2014.02.06); «А «Оратория Аурелии» напоминала приключения Алисы в Стране чудес: актриса сидела на стуле вниз головой, довязывала на спицах свою откушенную чудовищем ногу, запускала воздушного змея — но взлетала сама, а зме́й тащился по полу.» (Известия, 2013.06.07); «Кайтсерфинг использует силу тяги *воздушного змея*. Неопытным спортсменам лучше не заказывать особенно большую высоту, ибо риск упасть на водную гладь велик» (РБК Дейли, 2013.05.24); «Жюри оценивает внешний вид *змея*, маневренность и его спортивные качества» (РБК Дейли, 2013.03.07); «За то, что это существо напоминает коробчатого *воздушного змея* с длинными ленточными хвостами, медузу называют «коробочной» или кубомедузой» (Комсомольская правда, 2012.06.27); «Курс этого воздушного *змея* установит

компьютер, соответственно, команде судна не придется проходить серьезное переобучение» (РБК Daily, 2011.03.04); «Куратор Зельфира Трегулова покажет в галерее на Солянке выставку живописи и графики "В Бухаре пускают *змея*", объединяющую работы советских художников, творивших в Средней Азии в сталинскую эпоху» (РИА Новости, 2008.10.31).

Также с лингвокультуремой *змея* связано понятие, имеющее отношение к гороскопам. *Змеей* по китайскому гороскопу является человек, родившийся в такой год.

Ср.: «*Змеи* вдумчивы и ценят прекрасное. Они охотно посещают выставочные залы, галереи, театры, желая, чтобы ручеек высоких впечатлений извне к их сердцам не иссякал ни на минуту. Да и в повседневной жизни они эстеты и любят окружить себя интересными людьми, хорошими, дорогими вещами, изысканными запахами и тому подобным» (<http://www.predskazanie.ru/publications/articles/0145.php>);

Таким образом, вторичные номинации лексем *змея*, обогащенные культурными смыслами, способствуют формированию внеязыковой (культурной) семантики. «Внеязыковая семантика», выраженная через культурно-понятийный компонент значения, переводит лексему *змея* с единицы уровня языка на уровень лингвокультурологической единицы.

II.2.4. Коннотативный аспект лингвокультуремы змея в китайской языковой картине мира

Для выявления коннотативного аспекта лингвокультуремы мы рассмотрим те семы, которые нашли в толковых словарях

китайского языка. Коннотативные семы представлены в следующей таблице:

С л о в а р н ы е дефиниции	Семы
<p>«(1) 比喻贪婪残暴的人 Жадный и свирепый человек; (2) 喻指阴狠毒辣的人 Злой человек» (中华大字典 Большой словарь Китая);</p> <p>«象征国君 Символизирует государя» (中华大字典 Большой словарь Китая);</p> <p>«比喻狠毒的人 Злой человек» (现代汉语词典 Современный словарь китайского языка);</p> <p>«象征国君、君子等 Государь, аморальный человек» (汉语大词典 Большой словарь китайского языка);</p> <p>«山名 Название горы» (汉语大词典 Большой словарь китайского языка);</p>	<p>‘жадный человек’,</p> <p>‘свирепый человек’,</p> <p>‘злой человек’</p> <p>(обычно женщина),</p> <p>‘символ государя’,</p> <p>‘высоко нравственный человек’,</p> <p>‘название горы’</p>

Сема ‘жадный и свирепый человек’ отражена в следующих контекстах:

Ср.: «同志们，美帝国主义的走狗——蒋介石这条残害人民的毒蛇快要死了，但是他临死之前还要挣扎(Товарищи, холуй американского империализма – Цзян Цзешу, эта ядовитая змея, скоро погибнет, но он ещё будет напрягать последние силы.» (杜鹏程, 保卫延安 Ду Пэнчэн, Защищать Яньань) .

Кроме того, в Китае есть пословица 人心不足蛇吞象 (человек, чье сердце не преисполнено удовольствия, подобен змее, пытающейся проглотить слона), которая значит, что жадный человек ничего не получит, потому что змея не может проглотить слона. О свирепых людях говорят: «强龙不压地头蛇 (сильный дракон не может подавить местную змею), то есть «обладающий большой силой не подомнёт местного злодея».

Однако в сознании носителей китайского языка, змея часто ассоциируется со **злыми женщинами**.

Ср: «虽为国母，不如民女，根本不知贞节，不知廉耻孝义，一副蛇蝎心肠 Хотя она мать императора, но хуже простой девушки, совсем не знает, что такой стыд и долг, у неё змеиное сердце» (蒋征, 后补三国 Цзян Чжэн, История после трёх государств).

Нужно отметить, что змея и женщина тесно связаны в китайской языковой картине мира. Нередко в древних и современных произведениях встречается красавица-змея, которая назовёт ваше имя; если вы ответите, она вечером вас съест. И поэтому люди соотносят змею со злой женщиной. Фразеологизм «蛇心佛口 (уста Будды, а сердце змеи) также связывается с женщиной: та, кто прекрасно говорит, на самом деле злая.

Следующая сема '**государь, высоконравственный человек**' актуализируется в текстах, описывающих древний Китай.

Ср.: Император Лю Бан зарезал большую змею в болоте, одна старуха кричала: «吾子，白帝子也，化为蛇，当道，今为赤帝子斩之 мой сын - император Белый, он превратился в змею, но теперь зарезал его император Красный». Позже «дракон» стал соотноситься с императором Лю Бан, а змея – с его соперником Ксианг Ю.(司马迁，史记 Сыма Цянь, Исторические записки)

Примечательно, что в словаре *змея* не обладает значением «**дракон**», хотя в китайском национальном сознании змея называется «**маленьким драконом**». По результатам исследования Вэнь Идо, среди всех древних тотемов, змея была самая сильная, и она вобрала в себя другие слабые тотемы и стала так называемым «**драконом**» (伏羲考 Исследование о змеином божестве Фу Си, 2006: 26) «Дракон изначально был название большой змеей. Если рассмотрим их как одно целое, у них разная внешность; а если рассмотрим их как два отдельных существа, образ дракона возник на базе змеи. Когда мы цитируем легенды драконов и змей, не нужно их отличать» (伏羲考 Исследование о змеином божестве Фу Си, 2006: 26), что подтверждает неразрывность змеи с драконом.

И нередко встречается змея в древней литературе. Ср.: «有自然之龙，有蛇蠍化成之龙 Бывают естественные драконы, и превратившиеся в дракона змеи» (葛洪，抱朴子 Ге Хонг, Баопуций). Интересно, что к образу одного персонажа древние книги относятся по-разному. Так, Жёлтый император (Хуан-ди) в

«山海经Книге гор и морей» пишет «人面蛇身голова человека и змеиное тело», а в другой книге «说郛Рассказ Фу» пишет龙身而人头«голова человека и тело дракона».

Змея в китайском языке приобрела признаки дракона, но на самом деле они два разных существа. При этом, если змея содержит в себе и положительные оценки (государь, нравственный человек), и отрицательные (жадный человек, свирепый человек, злая женщина), то у дракона только положительная коннотация (символ императора, счастье, долголетие). Китайской дракон также отличается от западного: «Китайский дракон 龙(long) является символом доброго начала и ассоциируется со стихией воды в отличие от европейского «злого» начала и стихии огня»(Яковлева, 2016).

Таким образом змея, как и в русской лингвокультуре, оказала большое влияние на формирование образа дракона.

II.3. Анализ словообразовательного гнезда

лингвокультуремы змея

С целью получения дополнительной информации по выявлению национально специфичных признаков лингвокультуремы *змея* мы провели анализ словообразовательного гнезда с корнем *змеј-/змиј*.

Корень *змеј-/змиј* насчитывает 40 производных единиц. Наибольший интерес для исследования представляют наиболее частотные слова с корнем *змеј-/змиј*. Для определения частотности различных единиц словообразовательного гнезда использовались

данные Национального корпуса русского языка, в которых известно количество употреблений каждой единицы в текстах корпуса.

Нижеследующая таблица содержит список единиц словообразовательной парадигмы лингвокультуремы *змея/змий*, взятых из «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова (Тихонов: 101-102), поставленных в порядке убывания их частотности (в случае одинаковой частотности - в алфавитном порядке), а также указание на количество употреблений каждой единицы в корпусе русского языка.

№	Единица словообразовательного гнезда	Количество документов	Количество вхождений
1	Змея	1 298	2 987
2	Змий	177	329
3	Змеиный	149	191
4	Змейка	142	230
5	Змеевик	49	79
6	Змеёныш	43	57
7	Змеиться	11	11
8	Змеёвка	9	14
9	Змеистый	7	7
10	Змеобразно	7	7
11	Змеелов	6	7
12	Змеевидный	6	8
13	Змеёнок	5	5
14	Змееголовник	5	5
15	Змееносец	4	39
16	Змеёк	4	4
17	Змейковый	3	3
18	Змеисто	3	3
19	Змееподобный	2	2
20	Змеев	2	2

21	Змеяд	1	1
22	Змеобразный	1	1
23	Змееголов	1	1
24	Змеевичок	1	1
25	Змееборство	1	11
26	Змиеподобный	0	0
27	Змиевидный	0	0
28	Змейчатый	0	0
29	Змеиношейный	0	0
30	Змеящерица	0	0
31	Змеешейка	0	0
32	Змеехвостка	0	0
33	Змеерыбка	0	0
34	Змеепоклонствовать	0	0
35	Змеепоклонство	0	0
36	Змееголовый	0	0
37	Змееголовка	0	0
38	Змеёвый	0	0
39	Змеєвиковый	0	0
40	Змееборческий	0	0

Таким образом, наиболее частотными, после лексем *змея* и *змей*, являются лексемы *змеиный*, *змейка*, *змеёныш*, *змеиться*, которые и станут объектом нашего анализа в данном разделе работы.

1. Змеиный 1. Принадлежащий змее. (Например: Змеиная кожа.). 2. перен. Коварный, ехидный, злобный. (Например: Змеиная улыбка. Змеиное коварство. «С девичьей улыбкой, с змеиной душой любимец звонит Иоаннов.» А.К.Толстой.). 3. Составная часть ботанических, зоологических и минералогических обозначений. (Например: Змеиная птица. Змеиный корень. Змеиный мох. Змеиный алебастр.) *Змеиная мудрость* (книжн.) - изощренная мудрость. (Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940).

Лексема **змеиный** в контекстах Национального корпуса русского языка актуализирует признак ‘принадлежащий змее’, ‘относящийся к змее’, ‘являющийся продуктом жизнедеятельности змеи’: «На одной из них, близко, на револьверный выстрел, свивалось, лениво сволакиваясь вниз, огромное змеиное тело» (Крыша мира, 1905);

«К а к а я - т о к о ж и с т а я плёнка, напоминающая змеиный выползок*», сошла с бёдер роженицы. (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000) (**Змеиный** выползок – кожа, которую сбрасывает с себя змея, когда линяет); «Чтобы приготовить сыворотку против змеиного яда, нужно иметь змеиный яд...» (Б. Медников. Рожденные ползать // «Химия и жизнь», 1967); «Угрозы жизни наших пациентов нет, но просим москвичей, отдыхающих за городом, все-таки быть поосторожнее: сейчас начинается самый опасный змеиный сезон,—так прокомментировали ситуацию в Институте имени Склифосовского. (Милана БОРИСОВА, Наталья АНИСИМОВА, Антон ВЕДЕНЬКИН. В Подмосковье змеи кусают дачников // Комсомольская правда, 2006.07.28).

Относительное прилагательное **змеиный** рождает переносные значения ‘коварный, лукавый’, ‘недобрый’, ‘неприятный’, ‘холодный, пронизывающий, леденящий’, характеризующие, прежде всего глаза/взгляд человека:

«Змеиный взгляд Кромешного уставился на меня — я это почувствовала двумя горячими точками на спине.» (И. Грекова. Без улыбок (1975)); «— Тоже подохла... — змеиный взгляд парализовал мои глаза.» (Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)); «Слепой расслабился, но глаза — прозрачные лужицы, удерживаемые

ресницами на бледной коже — замерзли, превратившись в лед. Стылый, змеиный взгляд.» (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)).

По-видимому, некоторое визуальное сходство со змеями породила названия растений с прилагательным *змеиный*, ставшие терминами, принятыми в ботанике:

«Кругом незнакомые, чужие люди, на увале растут сухобылый бурьян и остролистый *змеиный лук*.» (М. А. Шолохов. Червоточина (1926)); «*Змеиный мох*. Многолетнее травянистое вечнозеленое растение с ползучими, немного восходящими стеблями, которые широко расползаются в лесу наподобие веревок, вильчато ветвятся и местами укореняются.» (http://www.bolshoeselo.ru/wood/herb/plaun_bulavovidnyi.html).

В русском национальном сознании также используется лексема *змеиный*, когда речь идет о годе Змеи по восточному календарю:

«Иначе говоря, в отличие от ушедшего високосного "драконистого" года, змеиный сулит относительно спокойную и благополучную жизнь.» [Бунин Сергей соб. корр. «Труда». НЕ НАДО БОЯТЬСЯ ЗМЕЙ // Труд-7, 2001.01.05].

Или: «*Змеиный*» прогноз президенту ЧТО год грядущий готовит политикам и президентам? (Константин Сергеев. «Змеиный» прогноз президенту (2001) // «Аргументы и факты», 2001), где *змеиный прогноз* на основе метонимического переноса обозначает астрологический прогноз на год Змеи по китайскому календарю.

В ходе развития молодежных неформальных движений и молодежной моды у слова *змеиный* возник новый признак,

связанный с возникновением новой реалии: «специально разрезанный у неформалов язык, по форме напоминающий жало змеи»: ПОСЛЕДНИЙ Ш-ШИП МОДЫ: ЗМЕИНЫЙ ЯЗЫК: от кончика и примерно до середины язык разрезают под анестезией (по желанию клиента, но встречаются и мазохисты).» (Надежда ДУНАЕВА. Писк сезона - интимная прическа // Комсомольская правда, 2003.08.04).

Контексты Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что прилагательное *змеиный* приобретает метафорические значения на основе сходства кожи змеи и материала, из которого сшито платье, как, например: «А сейчас я сидела в платье, его змеиный зеленый шелк стал моей кожей, и оно чувствовало мое пока еще боязливое и смущенное тело, постепенно понимающее и чувствующее, что сегодня будет его, тела, праздник, его, тела, торжество. (Светлана Василенко. За сайгаками (1997-2000));

или формы языка змеи и формы галстука: «Один — ноль. Змеиный язык галстука. Два — ноль.» (Кира Сурикова. Буду (2003));

а также гибкость движений женщины и движение змеи: «Она была тогда прекрасной женщиной: тонкое лицо, полное одухотворенности, гибкое, змеиное тело, и вся она походила на египетскую плясунью» (Воспоминания, 1979) .

Аналогия с формой чешуи, которая оставляет след при движении змеи рождает метафорическое описание следа от шин машины: «Лишь от того места, где она стояла, круто загибаясь, побежал по улице рябой, как змеиная чешуя, след от шин» (На хуторе, 1943).

Еще более сложная метафора рождается в русском национальном сознании на основе аналогии материализованного процесса смены кожи змеи и духовного перерождения: «Так «Я» борется с другим «Я», находя в нем свое подобие, с болью откальвается и Дон-Кихот, и Гамлет, и Двойник, и Базаров, и так будто *змеиная чешуя* слезает с настоящего «Я», в котором скрыта воля на неповторимое действие» (Дневники, 1923).

Имеет место и метонимический перенос: «Его прозвали *Змеиный человек*, и он каждый день выступал в своем родном городке, что в 570 километрах от тайландской столицы Бангкока, показывая фокусы с ядовитыми змеями. (Пригрел змею (2004) // «Парадокс», 2004.05.01), где мужчина получил прозвище *Змеиный человек* по роду деятельности.

В устойчивом выражении *змеиная мудрость*, зафиксированном лексикографическими справочниками, присутствует намек на лукавство: «Таковыми советами *змеиной мудрости* криводушные люди заворачивают простодушных» (Могильщикам России, 1914.02.27).

В русском национальном сознании также находит место аналогия на основе сходства волнообразного передвижения змеи. Отсюда возник, например, эпитет «*змеиный ветер*» в следующем примере: «Тонкий *змеиный* ветер штопором закручивал в зеленой воде канала мелкие гребешки пены.» (Дина Рубина. Окна (2011))

2. Змейка ж. 1. Уменьшительное от змея. (Например: На тропинку выползли красные змейки.) 2. О чём-либо, напоминающем маленькую змею. (Например: Волнистая змейка на экране прибора. С самолёта видна змейка реки. По стеклу струились змейки воды.) 3. Разг. Металлическая или пластмассовая быстро задёргивающаяся

застёжка; молния. (Например: Змейка в тон с тканью. Застегнуть змейку на куртке.) 4. Сельско-хозяйственная машина для чистки и сортировки зерна. 5. Одна из фигур Высшего пилотажа в профессиональном сленге летчиков. (Например: Выполнить змейку). («Большой толковый словарь русского языка», электронная версия <http://www.xn--80aac4bir7b.xn--plai/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8/%D0%B1%D1%82%D1%81/%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%B9%D0%BA%D0%B0>)

По данным нашего материала, лексема **змейка** актуализирует свое прямое значение ‘маленькая змея’, ‘молодая змея’: «В данный момент молодая змейка уже сбросила первый наружный покров и выросла до 30 сантиметров». (Мозаика // «Знание - сила», 2010); «И насколько Таня могла догадываться, змейка была не безобидным ужом.» (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)).

Однако и контексты обнаруживают и разнообразные переносные значения данной лексемы. В частности, эти переносы проявляются на основе сходства какого-то объекта и змеи по форме.

Это может быть **река**: «С тихим скрипом начала открываться дверь на террасу, за которой в прозрачной черноте угадывалась пропасть, а на дне, в теснине, зеркально отсвечивала змейка-река.» (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976);

велосипедный марафон: «Правда, первый участок пути совсем невелик — очень скоро змейка велосипедов притормаживает на Западном кладбище у мемориала, где захоронен Герой Советского

Союза Яков Павлов.» (Мария Клапатнюк. Я — русская дорога (2013.04.16) // «Новгородские ведомости», 2013);

щетка: «Уменьшению давления на дёсны способствует изгиб щётки — «змейка» или «шарик», находящиеся недалеко от чистящей поверхности.» (Ольга Гусева. От улыбки станет всем светлей // «Наука и жизнь», 2009);

огонь: «У двери надо шелкнуть зажигалкой. Огненная змейка ринулась в комнату. Я запер замок на два оборота, слыша, как в комнате начало гудеть, и вышел на улицу, никого не встретив в подъезде.» (Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998-2007) // «Зарубежные записки», 2009);

окна: «Длинная змейка светящихся окон скользила по бетонному хребту плотины, таявшей в электрическом свете.» (В. Дмитриев. Через шесть морей (путешествие в Завтра) // «Техника - молодежи», 1951).

Именно на сходстве с маленькой змейкой появилось название вида рыбы, которая получила название «змейка» за ленточную форму, напоминающую змеиную: «Здесь средней и крупной рыбы, по-видимому, не меньше. Единственным представителем мелкой рыбы является «змейка». Она имеет ленточную форму, длиной 15 сантиметров.» (И. Захаров. Подводная охота на Белом море // «Спортсмен-подводник», 1966);

любовная речь: «И пошел длинный-предлинный разговор, где она объясняла Сапожникову с почти открытым злорадством все недостатки Сапожникова, и тот соглашался и соглашался, да, правильно ты говоришь, все точно, и она учила его жить, надо было делать так, и надо было делать эдак, и любовная речь журчала, как

ручеек-змейка, которую Сапожников отогревал за пазухой, но так за всю жизнь и не отогрел, и всю жизнь любовная речь-змейка оплетала и оплетала Сапожникова, и во всем была права, но почему-то была права злобно и давала советы не тогда, когда он на ногах стоял и криком кричал, просил совета, а когда он обрушивался и ничего не просил, разве чтоб в покое оставили. (Михаил Анчаров. Самшитовый лес (1979)). Данная метафора поддерживается целым рядом лексических единиц: разговор похож на змейку, потому что он «длинный-предлинный», речь извилиста, витиевата «как ручеек-змейка». Далее следует игра слов «змейка, которую Сапожников отогревал за пазухой», речь, которая «оплетает», как змейка.

В профессиональном сленге летчиков лексема *змейка* имеет значение ‘маневр, фигура высшего пилотажа’: «Первое упражнение — короткая «змейка» — оказалось весьма критичным не только к скорости, но и к возможностям рулевого управления.» (Анатолий Карпенков, Анатолий Фомин. Электронное право руля (2004) // «За рулем», 2004.); «В течение полета над территорией ДРВ самолеты F-4 совершали противозенитный маневр «змейка», а в районе нанесения удара самолетами В-52 отходили от строя на 15-20 км». («Стратофортрессы» над Северным Вьетнамом (2004) // «Воздушно-космическая оборона», 2004.02.15). Данная метафора в профессиональной речи пилотов, по-видимому, опирается на сходство в поведении змейки – молниеносное.

Ещё одной специфической особенностью *змеи* является её длинное тело. И именно эта особенность обуславливает появление в русском национальном сознании сравнения *змеи*, *змейки* с рекой или дорогой: «Река извивалась светлой и чистой *змейкой* и скрывалась где-то за пригорком» («Родная речь» 1976); «*Дорожка-змейка*

канатная в Москве. Уточняйте актуальные цены и наличие у поставщика» (реклама).

3. Змеёныш – ‘1. Молодая змея, вылупившаяся из яйца. 2. (перен., бран.). О хитром, злобном ребенке, молодом человеке.’ (БТСРЯ 1998: 366).

Как свидетельствуют контексты с прямым значением данной лексемы, даже молодые змеи опасны и коварны: «Самого Иващенко гадюки кусали дважды. Сначала **змееныш** двух дней от роду. И Ярик отделался опухолью на ладони, которая через неделю сошла.» (Вержба Михаил. ГАДЮШНИК // Труд-7, 2002.03.07).

Однако в большей степени **змееныш** употребляется бранно в значении ‘нехороший молодой человек или ребенок, подлец, негодяй, хитрец’:

«Аггей сел. Посмотрел на меня — **змееныш!** Мог бы — живьем бы меня сожрал, проглотил бы, не жуя... (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все (2001)); «Но ведь он, ты знаешь, негодяй, змееныш... ох, порочный, порочный мальчик, и я боюсь за него.» (М. А. Булгаков. Кабала святош (Мольер) (1929-1930)); «— Твой князь и повелитель — змееныш, которого ты привез.» (Борис Васильев. Вещий Олег (1996))» «Это холера, а не мальчишка, пропадешь еще один раз, я убью тебя, змееныш окаянный!» (Федор Кнорре. Орехов (1968)); «Это что, опять?.. Вот **змееныш мерзкий!**.. Из окон и витрин смотрели разноцветные лица.» (Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)); «Не обольстишь меня, окаянный змееныш, тьфу! Поджигай сам... — Эге, на попятный двор?.. Шалишь, брат!» (Д. С. Мережковский. Смерть богов. Юлиан Отступник (1895)) Такое экспрессивное употребление слова **змееныш**, безусловно, поддерживается и

контекстами: *живьем бы сожрал, проглотил не жуя*, а также определениями *окаянный, порочный мальчик, мерзкий*, глаголом *обольстить*.

Змеенышем называют и за дерзость: «И прочие тому подобные дерзкие слова выражает. Как хотите: супротив начальства это ведь нехорошо. Ишь, думаю, змеёныш... Дворянское отродье!» (В. Г. Короленко. Чудная (1880)); «Ты у меня кровь из нутра выпил, змееныш, кровь мою, понял?» (С. Н. Сергеев-Ценский. Лесная топь (1905)).

Обратил на себя внимание пример, в котором обнаруживается сложная метафора, в которой актуализируется сема ‘внутренние силы, управляющие человеком’: «Иногда Ване казалось, что *змееныш зародился, заерзал в его сердце уже в детстве, с первым же чудом, с криком и свистом свободы и ненависти, когда Ваня погубил обидчика...*» (Сергей Шаргунов. Чародей (2008)).

4. Змеиться (книжн.) – ‘1. Виться, простираться наподобие ломаной извилистой линии. В густой ржи змеилась еле видная тропинка. 2. перен. Перебегать, скользить (поэт.). По ее лицу змеилась улыбка. По стенам змеились тени.’ (Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940)

Лексема *змеиться* с переносным значением ‘пробегать, скользить, мелькать’ достаточно активна, по данным Национального корпуса русского языка: «Вот же он, перед моими глазами, актовый зал на втором этаже, в котором отражения окон могут так змеиться на паркете.»(Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005).

Однако наиболее часто *змеиться* в переносном значении используется при характерном, извилистом, течении **реки**: «Потом, помнится, он присмотрелся — и там, где полагалось бы змеиться верхним притокам Светыни, увидел ничем не заполненное пятно». (Мария Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)); изгибов **дороги**: «Верхи почуялись еще издали, попер долгий упорный тягун, заставивший змеиться дорогу.» (Евгений Носов. Усвятские шлемоносцы (1977)) и даже направленном расположении **холмов**: «Эти холмы то тянутся змеиным бугром-барханом, то сплетаются в сложный узел, чтобы затем опять узко змеиться вдаль.» (П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923-1926 гг. №5 (1926)).

При описании внешности человека *змеиться* хаоактеризует о с о б ы й и з г и б г у б : « — и у Туси начинала изгибаться, прямо змеиться верхняя губа.» (Л. К. Чуковская. Памяти Тамары Григорьевны Габбе (1944-1960)); «Он научился посматривать вкось, прищунив глаза, его губы умели теперь неуловимо змеиться, как будто они надолго заряжены были презрением. (А. С. Макаренко. Книга для родителей (1937)).

5. Змеевик – ‘1. Трубка, обычно изогнутая спиралью, которая используется при перегонке жидкостей, в различных тепловых установках. 2. Плотная горная порода зелёного цвета с пятнами. Благородный *змеевик* (поделочный камень).’ (СО 2006: 451).

Лексема *змеевик*, по-видимому, появилась на в русском языке на основе сходства длинной шлангообразной трубки для перегонки жидких субстанций со змеей : «Учёные держат в руках атомы величиной с арбуз, сварщики — какую-то хреновину, напоминающую змеевик самогонного аппарата.» (Екатерина

Костикова. Наша бронелодка стоит на запасном пути (1997) // «Столица», 1997.05.27)» «Жидкий металл при этом нагревается до температур 650-850°C. Насос направляет разогретый жидкий металл в змеевик, расположенный в теплообменнике». (В. Голубятников, О. Морозов. В небе — атомный реактор // «Наука и жизнь», 2008); «Для начала ему нужно было установить новый полотенцесушитель (он же *змеевик*) вместо старого.» (Ирина Курьянова. Хороший слесарь — несбывшаяся мечта (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.07.10); «Пожилой мужчина держит в руках змеевик от газовой колонки, которую разворотила пуля.» (Александр КОЦ, Дмитрий СТЕШИН. Заминированный город // Комсомольская правда, 2005.10.15); «Змеевик в углу ванной комнаты едва теплый: с таким не то что обжечься, вряд ли руки после мороза согреть можно.» (Ольга ОРИЦИНА. Кемеровчане, проживающие на улице Ворошилова горячей воды тратят в 1,5 раза больше, чем холодной // Комсомольская правда, 2009.01.21); «В редакцию позвонил Александр Плехов, зять Екатерины Лукьяновны Комайко, и сообщил: - После публикации материала в «КП» отопление у нас в ванной наконец-то наладили. Теперь змеевик горячий! А ведь до вмешательства газеты коммунальщики почти полтора года его не могли починить.» (Ольга ОРИЦИНА. На что жаловались кемеровчане и что сделано? // Комсомольская правда, 2009.01.14).

Интересно, что в реалиях жизни в России изобретательные россияне часто делают *змеевик* из подручных средств, приспособливают какие-то предметы быта под функции *змеевика*. Это мы видим в следующих двух примерах: «Конечно, есть в сооружении *змеевик* (у нас его заменяла прямая трубка велосипедной рамы), бочка с холодной водой наготове.» (Василий ПЕСКОВ. Глухие места // Комсомольская правда, 2001.09.28); «Во

время обыска у него изъяли кипятильник, канистры и даже змеевик, который умелец смастерил из изголовья кровати.» (Алексеев Александр. ПОЛУСУХОЙ ЗАКОН // Труд-7, 2004.10.22), где речь идет о самогонном аппарате, позволяющем получать высокоградусный спиртной напиток (зеленый змий, о котором шла речь выше), который может привести к сильному опьянению.

Также в ходе анализа употребления лексемы змеевик были обнаружены контексты со значением ‘минерал, полудрагоценный камень, порода камня с Урала’: «Впервые в России здесь применено сочетание часов и элементов традиционных народных промыслов: финифти (ручная роспись по эмали), филиграни (скань, зернь), высокоточной обработки полудрагоценных и поделочных камней (лазурит, янтарь, родонит, яшма, змеевик, нефрит, обсидиан, чароит, амазонит, лунный камень, кошачий глаз, авантюрин, тигровый глаз, малахит)...» (Терехов Вадим. 'ЧАЙКИ' РЫНОЧНЫЙ ПОЛЕТ // Труд-7, 2000.05.26); «В последние десятилетия возникли промыслы, связанные с обработкой твердых пород уральского камня, среди которых самые популярные — змеевик, яшма, родонит, мрамор, лабрадорит.» (Национальная культура. Народные промыслы Прикамья (2001) // «Жизнь национальностей», 2001.12.28); «Простой змеевик—совсем недорогой уральский камень да затейливая бронзовая инкрустация в виде Российского герба. (Лариса ХАЙДАРШИНА. («КП» - Екатеринбург»). Уральский кузнец выковал державный меч для Путина // Комсомольская правда, 2004.04.06). Данное наименование, скорее, родилось на основе сходства цвета камня с цветом змеиной шкуры.

6. Змееносец – ‘1. Созвездие. 2 знак зодиака’(БЭС).

Лексема *змееносец* в русском языке статус термина в гороскопах.

Ср.: «Примерно две тысячи лет назад к зодиакальным созвездиям примкнул Змееносец» (Комсомольская правда, 2011.01.18); «И для этого требуется дополнительный знак зодиака под названием "Змееносец", который следует вклинить между Скорпионом и Стрельцом» (Комсомольская правда, 2011.01.18); «Так что, если ваш день рождения приходится на интервал с 29 ноября по 17 декабря, то, возможно, вы уже не Стрелец, а Змееносец» (Известия, 2011.2.09); «Александр Васильевич, по некоторым данным, сам *Змееносец* (по официальным—поздний Скорпион.)» (Комсомольская правда, 2011.01.18); «Мол, к 12 «старым» знакам зодиака надо бы добавить еще один под названием «Змееносец»» (Комсомольская правда, 2005.07.31); «А Ваш звездный знак, дорогой Лафет, пожалуй, *Змееносец!*» (Обсуждение статьи М. Прохорова «О «надомниках» и трудоголиках. Или как они живут совместно в нашем ТК» (2010)); «Так что, если ваш день рождения приходится на интервал с 29 ноября по 17 декабря, то, возможно, вы уже не Стрелец, а Змееносец.» (Алексей Баев. Астрологию суд признал царицей наук // Известия, 2011.02.09)» «Правее и ниже летне-осеннего треугольника расположено огромное созвездие Змееносец, напоминающее по очертанию колокол.» (А. Остапенко. Луна и планеты в сентябре-октябре 2007 года // «Наука и жизнь», 2007).

Однако в научно-фантастической литературе значение этого слова раскрывается по-новому, появляются новые смыслы, например, основывающиеся на метонимическом переносе

«созвездие Змееносец» -> «житель планеты созвездия Змееносец» например: «Я буду змееносец с планеты созвездия Змееносца!» (Евгений Велтистов. Электроник - мальчик из чемодана (1964)).

7. Змеевидный – ‘Похожий по форме на извивающуюся змею. Змеевидная трубка перегонного аппарата.’. (Толковый словарь Ушакова).

В лексеме **змеевидный** заложено значение сравнения по какому-либо признаку с представителем животного мира – змеей: «Представьте себе мерцающее фосфорическим светом **змеевидное тело** длиною в несколько метров, движимое неведомой силой сквозь морские пучины...»(Знание -- сила, 2003).

Однако в большей степени данная лексема служит определением неодушевленных реалий окружающего мира. Это может быть характеристика **крестов**: «Концы крестов могут быть крайне разнообразны, что создает много вариантов этой фигуры: крест стрельчатый, якорный, двуглавый, **змеевидный**, завитой, трилистный, лунный, лилиевидный, украшенный шарами, гвоздевидный, клинчатый, украшенный лилиями, ромбовидный, тулузский, крест св. (Н. Типольт, В. Лукомской. Основы геральдики. Часть 2 (1915) // «Сержанти», 2005); «В переводе «серпентайн» — это «змеиный» или «**змеевидный**», ведь озеро и впрямь похоже на широкую ленту, эдакой змеевидной, «серпантинной» формы. (Алексей Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой (2002)); **смерча**: «Гигантский змеевидный столб высотой 780 метров и толщиной в 30 метров появился, носился со скоростью более 100 километров в час.» (Владимир ЛАГОВСКИЙ. Робот "Любопытство" передает: "На Марсе аномально потеплело // Комсомольская правда,

2012.10.04), где *змеевидный*, помимо признака ‘напоминающий вид змеи’, под воздействием контекста приобретает еще и признак ‘зловещий’, присущий словам из анализируемой нами словообразовательной парадигмы.

Или при описании состава поезда, напоминающего змия-дракона, также поддержанного контекстом (лексемами *чудовище жрало, воспалялся и дышал*): «Паровоз аппетитно палил: рев рек, скреп, скрежетанье, дрожь: не то брань, не то свист под клиньяющим буфером; визжа, занывала сталь, кроша и крошась; саповатые ахали вестингаузы; при всем этом взвивался и мгновенно зимовал белый каракульчевый пар: воспалялся и дышал паровоз, паля шерстяную мякоть ноги, лезшей и льнувшей всеми шерстинами в ноздри, в глаза, во все поры поезда, дробясь о горящие стекла; тарарахнув, барабахал, запахивая белой мглой черное полотно, змеевидный звонкий состав. Чудовище жрало телеграфные столбы и стрелки, знобили рельсы...» (Сергей Буданцев. Мятаж (1919-1922)).

А также пример с развернутой метафорой, актуализирующей признак ‘извивающийся, имеющий форму змеи’: «...ему было страшно каждой клеточкой, потому что Лола тоже превратилась во что-то кровавое и дымящееся и уже не была женщиной. Змеевидный клубок медуз. Горгона!» (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс (1998)).

Интересно употребление прилагательного *змеевидный* в функции имени собственного. При контекстуальной поддержке актуализируются семы ‘мудрый’, ‘искуситель’, ‘подобный змее’: “Мудрость Змия, — говорили они, — дает людям знание добра и зла. Вот — Спаситель, Офиоморфос— *Змеевидный*. Не бойтесь, —

послушайте его: он не солгал; вкусите от плода запретного — и станете, как боги!» (Д. С. Мережковский. Смерть богов. Юлиан Отступник (1895)).

Мы проанализировали только наиболее частотные лексемы с корнем *змеј-/змиј*. Данные, полученные в результате проведенного анализа, свидетельствуют о наличии признаков, связанных с характеристиками змеи, зафиксированными в лексикографических справочниках и актуальных в современном русском национальном сознании.

II.3.1. Анализ словообразовательного гнезда лингвокультуры змея в китайском языке

В китайском языке нет понятия «словообразовательное гнездо», как это принято понимать, вслед за А. Н. Тихоновым, в русистике, а именно: «словообразовательные гнезда составляют слова, восходящие к одному корневому слову, в их словообразовательных отношениях» (Тихонов, 1987: 5). Китайское словообразование, по мнению китайского учёного Лу Чживэя большей частью является частью синтаксиса (陆志伟 Лу Чживэй, 1964: 2). Корневое слово 蛇 (змея) в китайском языке нашло отражение в более 500 лексико-синтаксических единицах (по данным поиска на сайте: <http://www.guoxuedashi.com/zidian/so.php?sokeyci=%E8%9B%87&submit=&kz=13&cilen=0>).

По данным последнего Частотного словаря современного китайского языка (1985), слово *змея* по количеству употребления – 68, частотность употребления – 0.00517, и 蛇宝石 (змеиный камень)

– 8, частотность употребления– 0.00061. Для ассоциативного поиска слова *змея* на сайте Google найдены: 蛇头(змеиная голова), 蛇夫座(змееносец), 蛇年(год змеи), 蛇口(Шекоу, название места), 蛇果(Ред Делишес, сорт яблок), 蛇精(змея-оборотень), 蛇蝎(змея и скорпион).

«蛇宝石(змеиный камень)» - это детская сказка, в которой змеиный камень выступает в качестве приманки для насекомых, но данная ассоциация уже не актуальна в настоящее время. 蛇头(змеиная голова) в переносном значении «человек, занимающийся нелегальной переправой людей через границу»(БКРС); 蛇夫座(змееносец) и 蛇年(год змеи) связаны с зодиаком, как и в русском языке. 蛇口(Шекоу) есть название города; 蛇果(Ред Делишес) считается высококачественным сортом яблок; 蛇精(змея-оборотень) часто встречается в народных сказках и других произведениях фольклора, в виде красивой жинщины, самый известный змея-оборотень в Китае – белая змея, которая влюбляется в молодого человека и умирает от любви. 蛇蝎(змея и скорпион) тоже касается женщины, но это характеристика «жестокоего, бессердечного человека» (Бородина 2015).

Из вышеизложенного следует, что словообразовательное гнездо *змея* так же, как и в русской языковой картине мира, насыщено культурной коннотацией, сформировавшейся на базе изначальных представлений о *змее* в китайском сознании.

II.4. Гипонимы лингвокультуры змея

На основании лексикографических справочников нами было выделено 11 гипонимов *змеи*: *удава*, *питон*, *нага*, *боя*, *уж*, *полоз*, *гадюка*, *гюрза*, *анаконда*, *эфа*, *кобра*, а также *очковая змея* и *гремучая змея*.

По данным нашего материала, не все гипонимы актуализируются в русском национальном сознании в силу распространения их в экзотических странах. Наиболее частотны гипонимы *змеи*, распространенные на территории России. Это, прежде всего, *уж* – ‘змея обычно не ядовитая, при этом внешне похожая на гадюку.’ (Ожегов, 1999).

Например: «Ужа он, конечно, встретил — да не одного, а целую семью, выползшую на солнышко погреться.» (Захар Прилепин. Санька (2006)); «Чуть дальше на берегу у нефтепровода видим *ужа*, который тщетно старается проглотить высушенную солнцем жабу.» (Река Воронеж из-за засухи превратилась в ручеек // Комсомольская правда, 2010.08.24).

Уж - неядовитая змея, но при этом он внешне похож на ядовитую гадюку: «Перепутать их так же опасно, как спутать ужа с гадюкой.» (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)).

В русском языке есть фразеологизм *вертеться, как уж на сковороде*, то есть «выкручиваться, хитрить»: «Впрочем, одно знаю точно: на посту главного тренера придется вертеться, как ужу на раскаленной сковороде.» (Госкомспорт решил, что Александр Грушин больше не тренер сборной России по лыжным гонкам (2002) // «Известия», 2002.09.01) «И теперь самому Садчикову

приходилось вертеться словно ужю на сковородке.» (Татьяна Моспан. Подиум (2000)).

По-видимому, такой фразеологизм родился в сознании носителей русского языка на основе сходства поведения человека, стремящегося избежать разоблачения, с движениями *ужа*, которого побеспокоили.

Также в русском языке обнаружен фразеологизм *извиваться ужом*, рассматриваемый нами как синоним вышерассматриваемому. Ср.: : «А знаете, ведь прелюбопытное существо этот обыватель-опустошитель!.. По-видимому, он только и делает, что приспособляется к обстоятельствам, извивается ужом. Но разберите его хорошенько, и вы удивитесь тому мастерству, с которым он эти самые обстоятельства приспособляет к себе» (Гл. Успенский. Бог грехам терпит).

Однако данная отрицательная коннотация гипонима *уж* – хитрить, ловчить, пожалуй, является единственной.

В отдельных регионах России *ужа* называют *полозом* – ‘1. Змея семейства ужей 2. (перен.) Гладкая, скользящая, загнутая спереди пластина, брус.’ (Ожегов, 1999).

Например: «Я любовался переливами разных оттенков на гладкой чешуе, украшенной узорами и полосами, — особенно красив был зелено-желтый амурский полоз.» (Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011)).

Скользящая, гладкая кожа полоза стала основанием для создания переносного значения названия бруса: «Владимир Галактионович взял у меня гвозди, топор и бечёвку и стал так искусно ремонтировать полоз, словно это было его специальностью.» (К. И. Чуковский. Короленко в кругу друзей

(1940-1969)). Как видим, отрицательных коннотаций этот гипоним не приобрел в силу безобидности *полоза*.

Гадюка - также достаточно распространенное пресмыкающееся в лесах России. Это 'ядовитая змея с плоской треугольной головой. Семейство гадюк.' (Ожегов, 1999) .

В отличие от ужа, *гадюка* - змея ядовитая: « Среди гадюковых, обитающих в России, самым токсичным ядом обладает гадюка обыкновенная.» ([http://www.8lap.ru/section/vidy-ekzoticheskikh-zhivotnykh/samaya-yadovitaya-zmeya-gadyuka/.](http://www.8lap.ru/section/vidy-ekzoticheskikh-zhivotnykh/samaya-yadovitaya-zmeya-gadyuka/))

Именно опасность укуса *гадюки*, а также токсичность ее яда способствовали возникновению отрицательной коннотации у данного гипонима в русской языковой картине мира: *гадюкой* называют злую, язвительную женщину, что находит отражение в лексикографических справочниках.

Ср.: «Из голливудских звезд обещан приезд Дэррил Ханни—одноглазая «смертоносная гадюка» из «Убить Билла» должна прибыть в Москву 25 июня и пробудет у нас два дня.» (К нам едет одноглазая гадюка! // Комсомольская правда, 2005.06.16). Известно произведение «Гадюка», написанное А.Н. Толстым, в котором женщину со сложной судьбой называли именно так за внешний вид и характер: «За женщину её мало кто признавал, была уж очень тоща и зла, как *гадюка*».(А.Н.Толстой. «Гадюка»).

По данным нашего материала, гадюкой называют не только женщину, так могут ругательно называть мужчину: «А какая красота была, ого-го, одно удовольствие жить и ехать. За что красоту разрушил, гадюка? Тошно мне в твоём обществе.» (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001).

Несмотря на экзотичность такой змеи, как *удав*, в русском национальном сознании данный гипероним достаточно активен. *Удав* – ‘большая хищная змея тропических стран, обычно обвивающая свою жертву при нападении.’ (Ожегов, 1999).

В Национальном корпусе русского языка при прямом значении обнаруживается такой признак этого гипонима, как ‘очень большой размер’, а также из контекстов следует, что это опасная змея, которую люди боятся:

«Едем с Джеком по деревне, видим на стене одной хижины старое, выцветшее объявление: "Дом продаётся". На крыльце лежит огромный удав. - Никто не покупает, - объяснил Джек.» («Мурзилка», 2002); «Пятиметровый удав сбежал, — сообщалось в заметке, — из Алма-Атинского зверинца, добрался как-то до гор и вот уже в течение двух лет появляется в районе горных садов, пугая до смерти колхозников и опустошая колхозные курятники.» (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964))

Следующие контексты показывают, что *удав* – сильная змея, он «обладает физической мощью»: «*Удав обладает большей физической мощью* и использует другой принцип воздействия на противника, хотя, в общем, принцип его действий носит схожий характер.» (Тактика и психология (2003) // «Боевое искусство планеты», 2003.12.08).

Именно на силе *удава* строится образная составляющая этого гиперонима в следующем контексте: «Восстановим республику павшую, хоть чека и силен, как удав, и Россия восстанет уставшая посреди человеческих прав...» (Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007))

Удав душит свою жертву: «И началась, понимаешь, паника: бабы из дома не выходят, то одного удав задушил, то другого, работы срываются...» (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей (1964))

Удавы – теплолюбивые пресмыкающиеся, живут в теплых странах: «Оказалось, что в прошлом году из зверинца на колхозном базаре исчез индийский удав.» (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей (1964))

Существует поверье, что удав, прежде чем проглотить своих жертв, гипнотизирует их взглядом. Издревле змеям приписывались гипнотические свойства, которые внушают людям суеверный ужас. И сегодня живы еще заблуждения относительно завораживающего взгляда змеи. Такие поверья лежат в основе фразеологизма «смотреть, как удав на кролика», который означает взгляд, гипнотирующий своей неподвижностью.

Примеры фразеологизма *смотреть, как удав на кролика* мы встретили в корпусе русского языка: «Я всегда опасался худышек, моя мать, которая действовала на меня как удав на кролика и способна была внушить любую, самую абсурдную мысль, говорила: «Не доверяй худым...»» (Александр Иличевский. Перс (2009)); «Да какой он артист, — поморщился режиссер, — он б е с т р е п е т н ы й к и н о д е л е ц , п о т р а ф л я ю щ и й п у б л и к е , гипнотизирующий ее, аки удав кролика.» (Наталья Галкина. Вилла Рено // «Нева», 2003)

Также со словом «удав» мы встречаем в Национальном корпусе русского языка фразеологизм *спокоен как удав*: «Я вообще спокоен как удав... Продолжаем ничего не понимать...» (коллективный. Форум: Свято-Филаретовский институт

прокомментировал участие сотрудницы в акции в поддержку Pussy Riot (2013))

Из семейства удавов известен также **питон** - «Большая змея семейства удавов.» (Ожегов, 1999).

Питон душит свою жертву: «По вентиляционной шахте питон пробрался наверх в спальню и задушил мальчиков.» (В городских джунглях питон задушил детей // Комсомольская правда, 2013.08.06); «Не так давно бирманский питон задушил и проглотил 22-килограммовую собаку породы хаски.» (Питонья напасть // Известия, 2007.11.27)

Питон длинный, весит много килограммов, ест раз в месяц: «Тигровый питон весом в 20 килограмм ест раз в месяц.» (В Энгельсе показывают тараканов из шоу Первого канала // Комсомольская правда, 2008.08.22); «Был у нас раньше питон более пяти метров длиной, а весом от 95 до 105 килограммов—это в зависимости от того, как давно "пообедал".» (Завтрак с крокодилом // Труд-7, 2005.02.17); «Оказывается, питон ест раз в месяц, а потом долго переваривает пищу.» (В Омск привезли рептилий со всех континентов // Комсомольская правда, 2009.07.31)

Интересно, что в СМИ, как показывают примеры из Национального корпуса русского языка, встречается фразеологизм *спокоен, как питон*, образованный по аналогии с фразеологизмом *спокоен, как удав*: «И неизвестно, что лучше – конкурировать с человеком настроения, но ветераном Теодором или малоопытным, но талантливым и спокойным, как питон, Нойвиртом.» (Советский спорт, 2010.09.23); «Обычно спокойный, как питон, Нидермайер полез выяснять отношения с обидчиком, но их разняли арбитры.» (Советский спорт, 2007.06.06).

По видимому, именно большие размеры как удава, так и питона способствуют актуализации признака ‘спокойный’ в рассматриваемых выше примерах при характеристике человека, исключительно мужчины.

Обратили мы также внимание на контекст, предоставленный нам Национальным корпусом русского языка, в котором гипероним *питон* был использован в переносном значении, когда речь идет о каких-то протяженных в пространстве объектах: «И снова под вагонами простучал, сократившись и отомкнувшись, многосуставчатый питон тормозного механизма.» (Александр Иличевский. Матисс // «Новый Мир», 2007) «Ползет на брюхе, как гигантский питон-переросток, едва касаясь кончиков пальцев прохладной кожей, обвивается вокруг шеи...» (Мария Головановская. Дома с совершенно гладкими стенами... (1990-2000)).

Гипоним *боа* – ‘нескл. 1. Крупная южноамериканская змея семейства удавов. 2. Женский широкий шейный или наплечный шарф из меха или перьев (устар.).’ (Ожегов, 1999) находит актуализацию в Национальном корпусе русского языка как в прямом значении («Унылый еврей в индийском тюрбане со звездой объяснял негустой толпе у входа, что начало откладывается на двадцать минут: готовят змею-боа.» (Давид Маркиш. Зюня // «Октябрь», 2003); «На тележке, свернувшись кренделем, лежал боа-удав.» (Давид Маркиш. Зюня // «Октябрь», 2003); Слухи о сценических выходках Купера — скажем, об участии в шоу питона-боа, дошли до Сальвадора Дали. (Алексей Певчев. Шок-рокер в интерьере поколения // Известия, 2013.10.08); Мы использовали 24 змеи—боа-констрикторов и питонов. (Участников «Фактора страха» не стали кормить кошачьим калом // Комсомольская правда,

2003.08.18), так и в переносном при названии шейного шарфа: «Не скрою, на наше военно-обшарпанное сборище Ньюша произвела довольно странное впечатление, возникнув запеленутой в розовое боа из каких-то трофейных перьев, знавших лучшие времена.№ (Галина Шергова Об известных всем (2002-2004)); Мне даже не мешало отсутствие двух передних зубов. Я примеряла разноцветные боа.» (Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994-2003)). Данное переносное значение стало узуальным и каких-либо коннотаций не имеет.

Кобра – ‘ядовитая змея жарких стран семейства аспидов, с пятнами ниже головы’ (Ожегов, 1999) в момент нападения «образует капюшон», на котором изображение в форме очков: «Раздвигает же кобра позвонки хребта, когда образует капюшон, чтоб принять устрашающую или привлекающую позу!» (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998)\$ «На востоке Китая появилась на свет очковая кобра с двумя головами и четырьмя глазами.» (Мозаика // «Знание - сила», 2010)

Кобра – змея сильная, большого размера: «Бояться кобре в общем-то некого (индийская, королевская кобра может свалить даже слона, что при её размере — до пяти метров, — пожалуй, и неудивительно), стало быть, удирать ни от кого не надо, и самой за кем-то гоняться нет надобности, так как любимое блюдо — жаба — животное медлительное, ходит пешком.» (Тихая жизнь в террариуме (Записки ветеринарного врача) // «Наука и жизнь», 2008).

При этом, в русском национальном сознании именно с коброй связывается мудрость и смелость. Ср.: «Теперь в моей груди бьётся два сердца. Человек, проглотивший бьющееся сердце кобры становится таким же мудрым и смелым как кобра.»(Источник: сайт RoveR-Terra <http://rover-tur.ru/cobra>);

К особому типу кобр относятся так называемые *очковые змеи* – ‘змея рода кобр. Дл. 1,6—2 м. На расширяющейся в момент опасности спинной стороне шеи — светлый рисунок в виде очков (отсюда назв.).’ (Биологический энциклопедический словарь, 1986).

«Из огненной бездны, наполненной гадами, к ним, шипя и облизываясь жалом, с глазами, горевшими жадностью, поднималась, вставши на хвост, огромная очковая змея.» (В. М. Дорошевич. Сказки и легенды (1893-1916)); «Особо известны три—«плюющаяся» кобра (брызгает ядом, стараясь противника ослепить), *очковая змея с устрашающим рисунком на капюшоне*, и королевская кобра—самая большая из всех ядовитых змей.» (Кобра // Комсомольская правда, 2002.03.01).

Часто встречается употребление слова *очковая змея* в переносном значении с негативной экспрессивной окраской, когда речь идет о коварном, хитром и злом человеке: «Хитро поблескивая глазами херувима, эта очковая змея говорит отменные гадости Государственной Думе». (В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971)); «Если Тургеневу принадлежит фраза о Чернышевском и Добролюбове: «Один — простая змея, а другой — змея очковая», то Дружинин по своему тогдашнему настроению мог быть также ее автором.» (П. Д. Боборыкин. Воспоминания (1906-1913)).

На сходстве нападающей позы *очковой змеи* с соответствующим впечатлением от движений героини рождается и такой образ: «Она слегка покачивается, как очковая змея, а большой палец, жёлтый от табака, чуть оттопырен.» (Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962))

Наряду с *очковой змеей* существует и гипоним *гремучая змея* (*Crotalus*) — ‘род ядовитых змей из подотряда трубчатозубых (*Solenoglypha*), семейства ямкоголовых (*Crotalidae*).’ (Брокгауз, Ефрон, 1971).

Гюрза – ‘ядовитая змея семейства гадюк. ’ (Ожегов, 1999).

Примеры употребления слова «гюрза» из корпуса русского языка: В отличие от других змей, ради собственного спасения гюрза даже способна прокусить насквозь себе нижнюю челюсть—лишь бы добраться до руки обидчика. [Акулу при нападении нужно бить по морде, а крокодила кусать за нос // РИА Новости, 2007.12.17] Одним из любимых питомцев Рябинина стала дальневосточная гюрза. [Поцелуй кобры. // Труд-7, 2003.04.26] На какое-то мгновение он потерял бдительность и тут же поплатился: гюрза молниеносным ударом поразила указательный палец его правой руки. (СУДЬБА ЗМЕЕЛОВА // Труд-7, 2001.01.20)

Анаконда - ‘Очень крупная змея семейства удавов, обитающая по берегам рек, озёр. ’ (Ожегов, 1999)

Анаконда – змея большого размера, это «самая тяжелая змея в мире»: В городе Лимпио в департаменте Сентраль обнаружена анаконда длиной 230 см. [Мир в заголовках // «Русский репортер», 2012] Анаконда—самая тяжелая змея в мире,—до 250 килограмм. [Десятку самых страшных животных в мире замыкает человек // РИА Новости, 2008.10.31]

Слово «анаконда» также употребляется в переносном значении для обозначения каких-то протяженных в пространстве объектов, которые сравниваются с анакондой: На самом деле трасса – огромная желтая «анаконда», спускающаяся по склону горы Аибга, – была готова уже пару месяцев назад. [Олимпийскую санно-бобслейную трассу мастера ровняли ножами // Советский спорт,

2012.03.12] Вытянувшаяся, словно гигантская анаконда вдоль огромного ущелья, венесуэльская столица в эти дни с раннего утра затянута низкими дождевыми облаками, готовыми в любой момент разразиться сильнейшей грозой. [Уго Чавес готов к диалогу // Труд-7, 2002.07.20] Вот его рука-анаконда отрывается от руля и ползет к Инкиной коленке, надо что-то сказать, надо спугнуть непрошеную ласку. [Улья Нова. Инка (2004)] Также с анакондой сравнивают злого человека: Он, по-моему, в людях разбирается хорошо и беспощаден, как анаконда. [Татьяна Устинова. Персональный ангел (2002)]

Гремучая змея ядовита, ее укус представляет опасность для человека: «Таких опасных змей, как очковая (кобра), гремучая, удав, питон и т. п. у нас не водится.» (Ф. Доброхотов. Наши змеи // «В мастерской природы», 1929); «В этом отношении интересна американская *гремучая змея*, одна из ядовитейших.» (Ф. Доброхотов. Наши змеи // «В мастерской природы», 1929); «В Эрика била молния, его жалила гремучая змея, колотили дикие обезьяны, а недавно укусила за ногу акула.» (КП. Люди, которые нас удивили // Комсомольская правда, 2013.08.29).

Опасность от лица, обладающего коварством змеи, актуализируется в следующем контексте: «Помните, говорил вам, что он опасен, как *гремучая змея*, что взорваться может в любой момент?» (Советский спорт, 2008.03.18). Здесь переосмысление семантики основывается на способности гремучих змей неожиданно встать в угрожающую стойку и нападать.

Или еще пример с переносным значением этого гипонима при назывании и, как следствие, отрицательной характеристике женщины: «И Потапов, и *гремучая змея* Алина, и теперь вот

Сидорин!» (Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)).

Также в корпусе встретилось сравнение поезда с *гремучей змеей*: «Когда фигурка на рельсах остолбенела, показала себя *гремучая змея* товарного состава и через какое-то мгновение вытянулась в последнем броске.» (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001), где актуализируется такой признак гремучей змеи, как треск, возникающий от вибрации чешуек на хвосте (Википедия).

На звуковом восприятии и гремучей змеи, а также на ее быстрой реакции водилась следующая метафора: «Ие Саввиной, к которой очень хорошо относилась, — "*гремучая змея с колокольчиком*", имея в виду тонкий возвышенный голос и яростный, нервный темперамент Иечки.» (Режиссером у Раневской был Пушкин // Труд-7, 2000.05.27)

Нами также был выявлен гипоним *ная* (лат. *naja*) – ‘очковая змея или индийская кобра.’ (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>), не обнаруженный в контекстах Национального корпуса русского языка, и *эфа* – ‘ядовитая змея семейства гадюк, обитающая в Африке и в Азии.’ (Ожегов, 1999).

Примеры употребления гипонима «эфа»: «В числе новых экспонатов и пестрая *эфа* из Израиля, и гадюка Авиценны, и месячный детеныш зеленой куфии с оранжевыми глазами-бусинками.» (Гады на курорте // Труд-7, 2005.03.30); «*Эфа* не шипит, но если она ползет головой вперед и ее тело сильно извивается, издавая трением чешуек шуршащие звуки, это угроза.» (Попробуем пригреть змею на груди // Труд-7, 2001.01.04)

Национальный корпус русского языка представил нам контекст, в котором гипоним *эфа* использован в переносном значении. Речь идет о женщине, которую сравнивают с этой змеей: «Была она маленькой, гибкой, худой, агрессивной, нахальной и ядовитой. Та была еще Эфа! Но я терпеливо сносил всю ее змеиную сущность и вел себя как молодой и самонадеянный бык.» (Александр Крамер. О скитальцах и странниках // «Сибирские огни», 2013).

Таким образом, гипонимический ряд лингвокультураны *змея* в русском языке отражает те же признаки, что и гипероним *змея*. В большей степени национально-культурная специфика гиперонимов проявляется при характеристике женщин, когда актуализируются такие их характеристики, как агрессивность, плохой характер, реже – гибкость.

II.4.1. Гипонимы лингвокультураны *змея* в китайском языке

В китайском языке чёткая гипонимической градации *змеи* отсутствует. По данным Wikipedia, *змея* может делиться по родовидовому признаку на 5 «семейств»: слепуны, удавы, ужеобразные, аспидовые змеи и гадюки. В сознании китайцев *змея* воспринимается как вид ужеобразных, поскольку другие виды редко встречаются. К ужеобразным, в частности, относятся 赤练蛇 краснопоясный динодон, 翠青蛇 китайский энтехинус и 中国水蛇 пресноводные змеи.

Краснопоясный динодон традиционно считается опасным, хотя он не ядовитый. Лу Синь в своей прозе пишет: «长的草里是不

去的，因为相传这园里有一条很大的赤练蛇，*нельзя по высокой траве ходить, говорят, что в саду большой краснопоясный динодон*» (Лу Синь, 1926). Китайский энтехинус (зеленая змея) в сказках часто выполняет роль помощника, им тоже является один из змей-оборотней. Пресноводные змеи имеют гибкое тело, и поэтому *水蛇腰* талия пресноводной змеи обозначает очень тонкую талию женщины.

Ср.: «长脸蛋，长脖儿，身量不高，而且微有一点水蛇腰，看起来，她的确有些象林黛玉(у неё длинное лицо и шея, рост невысокий, но талия пресноводной змеи, кажется, что она похожа на красавицу Линь Дайюй)»(Лао Шэ 1944).

Таким образом, гиперонимическая система *змеи* в китайском языке не столь представительна, как в русском языке, но, безусловно, отражает национально-культурную специфику в своем функционировании.

Выводы

В результате анализа материала настоящей диссертации мы пришли к следующим выводам:

- Являясь единицей лингвокультурологии, лингвокультурема *змея* обладает языковой и внеязыковой информацией.

- Языковая информация базируется, прежде всего, на этимологическом значении слова, а также на семантическом уровне лингвокультуремы.

- Начиная с VII века, слово *змея* в русском языке уже обладало значением «ползающая тварь» и «пресмыкающееся» и в дальнейшем вбирало в себя дополнительные лексемы. Сравнивая с

происхождением китайского слова *змея*, русская *змея* зародилась позднее, но у них одна и та же сема – ‘пресмыкающееся’, и обе *змеи* сформировались как табуистические вербальные знаки.

- Собственно языковое содержание лингвокультуры *змея* в русском языке, актуализируясь в разных контекстах, дает самое общее представление о реалии: ‘пресмыкающееся’, ‘ползучее’ (животное); ‘с длинным телом’; ‘с извивающимся телом’, ‘не имеющее конечностей’, ‘с чешуйчатым телом’, ‘с ядовитыми зубами/железами’ и, как следствие, ‘опасность’.

В китайской лингвокультуре наблюдается совпадение представлений о *змее* с русской лингвокультурой. Однако сема ‘ядовитая’, зафиксированная лексикографическими справочниками русского языка и находящая подтверждение в контекстах Национального корпуса, не находит отражение в лексикографических справочниках и контекстах в китайском языке. Отсюда и тот факт, что *змея* не воспринимается китайцами как существо опасное.

- С точки зрения эмоционально-коннотативного аспекта, лингвокультура *змея* обладает целым набором сем, сформировавшихся на базе категориальной и дифференциальных сем, нашедших отражение в лексикографических справочниках. В русском языке: в отрицательной характеристике человека (‘коварный’, ‘хитрый’, ‘злой’, ‘злбный’, ‘скрытный’), а также положительной как символ мудрости и долголетия. В китайской лингвокультуре также актуализируются как отрицательные коннотации змеи (человек ‘жадный’, ‘свирепый человек’, ‘злой’ (обычно женщина), так и положительные (‘символ государя’, ‘высоконравственный человек’).

- Лингвокультурема *змея*, подвергаясь процессу метафоризации, образно номинирует также длинную магистраль, протяженный архитектурный объект или мост или толпу, очередь, вереницу людей, поток машин и т.п.; в китайском языке – гору.

- В русских лексикографических справочниках фиксируется и мужской вариант лексемы *змея* – *змея/змий* со следующим набором сем: ‘сказочное чудовище с туловищем змеи’, ‘крылатое чудовище’, ‘Змей Горыныч’, ‘мифологический образ крылатого чудовища с туловищем змеи’, ‘дракон’, ‘олицетворение сатаны’, ‘дьявол’, ‘коварный и хитрый соблазнитель’, ‘искуситель’ и, как смысловые производные *зеленый змий* и *голубой змий*, а также ‘детская игрушка’, ‘летательное устройство’ 'прибор/ метеорологическое устройство '.

- В китайской лингвокультуре лингвокультуремы *змея* и *дракон* дифференцируются: если *змея* содержит в себе и положительные оценки (государь, нравственный человек), и отрицательные (жадный человек, свирепый человек, злая женщина), то у дракона только положительная коннотация (символ императора, счастье, долголетие).

- Национально-специфичные признаки лингвокультуремы *змея* находят отражение и в русской словообразовательной парадигме лингвокультуремы *змея*, прежде всего, в производных *змейка*, *змеиный*, *змеиться*, *змееныш*. Словообразовательное гнездо *змеи* в китайском языке представлено в большей степени контекстами с производным прилагательным *змеиный*. Производные *змеи* и в русском, и в китайском языках актуализируются в контекстах как с отрицательной коннотацией (*змеиный* - улыбка, коварство, душа, взгляд/ глаза; *змееныш* – хитрый, коварный, лукавый, молодой человек, ребенок), так и с

положительной (*змейка* – река, велосипедный марафон, огонь, окна, рыба, любовная речь, фигура высшего пилотажа, дорога; *змеиться* – о реке, отражении окон, дороге, холмах гор, губах; *змеиный* – язык галстука, тело танцовщицы, ветер, след от шин машины; метон. перенос: год, прогноз). В китайском языке актуализируется в большей степени прилагательное *змеиный* (голова - с отрицательной коннотацией).

- Гипонимический ряд лингвокультуремы *змея* в русском языке (лексемы *удав, питон, нага, боя, уж, полоз, гадюка, гюрза, анаконда, эфа, кобра, а также очковая змея и гремучая змея*) отражает те же признаки, что и гипероним *змея*. В большей степени национально-культурная специфика гиперонимов проявляется при характеристике женщин, когда актуализируются такие их характеристики, как агрессивность, плохой характер, режестивность – гибкость. Гиперонимическая система *змеи* в китайском языке не столь представительна, как в русском языке, но, безусловно, отражает национально-культурную специфику в своем функционировании (*水蛇腰* участвует в сравнении очень тонкой талии женщины; *赤练蛇* – краснопоясный динодон в своем прямом значении связывается с представлениями об опасности, хотя гиперонима змея и не актуализирует сему опасности; *翠青蛇* – китайский энтехинус – сказочный змей-оборотень, помощник героям сказок).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зооним *змея* в силу своего неоднозначного образа издревле встречается в фольклорно-мифологических текстах самых разных народов, в том числе русского и китайского. В качестве лингвокультуремы зооним *змея* включается в состав лингвокультурного поля «Животные» и микрополя «Пресмыкающиеся», являясь носителем языковой и внеязыковой информации, а также словесного образа как воплощения определенной эстетической ценности в произведениях художественной литературы, где моделируется действительность.

Взяв за основу дефиницию В.В. Воробьева «комплексная межуровневая единица, интегрирующая в себе лингвистическое и экстралингвистическое содержание» (Воробьев 1997: 47), мы выработали свое определение и понимание *лингвокультуремы*: *лингвокультурема* представляет собой слово, обозначающее материальное явление природы или артефакт реального мира в единстве его семантического содержания и культурных ассоциаций, закрепленных в языковом сознании носителей языка.

Лингвокультурема *змея* рассматривалась нами через семиотическую модель как *способа ее системной организации, т.е.* синтактики, семантики, прагматики и сигматики (Воробьев 1997: 38). Так, синтактика предполагает изучение парадигматических отношений лингвокультуремы, её системных связей, которые представлены гипонимами (*кобра, удав, гадюка* и др.), единицами одного словообразовательного гнезда (*змееныш, змейка, змий/змей, змеиный, змеиться*). Кроме того, в парадигматический ряд *змеи* входят названия составных частей *змеи* (*голова, хвост, язык, глаза, тело, кожа* и т.п.).

Функциональные связи представлены синтагматическими отношениями анализируемой единицы с классами других единиц, так или иначе связанных в текстах с данной единицей (*извиваться змеей, шипеть как змея, мудрая змея; змеиный характер, змеиный язык*). В них отражаются характеристики обозначаемого как предмета культуры, т.е. с точки зрения сигматики.

С точки зрения прагматики лингвокультурема рассматривалась с позиции функции воздействия на человека, которая опирается на собственно языковой план - эмоционально-коннотативный аспект, приобретающий большую значимость при изучении русского языка как иностранного, поскольку вторичные номинации лексемы *змея*, обогащенные культурными смыслами, способствуют формированию внеязыковой (культурной) семантики. «Внеязыковая семантика», выраженная через культурно-понятийный компонент значения, переводит лексему *змея* с единицы уровня языка на уровень лингвокультурологической единицы.

Поскольку структура *лингвокультуремы* оказывается более сложной, чем у собственно языковых единиц, требуется отдельная методика анализа, включающая: исследование внутренней формы слова – имени лингвокультуремы; исследование культурно-понятийного содержания лингвокультуремы на базе лексикографических справочников, а также контекстов Национального корпуса русского и китайского языков с учетом ее синтагматических связей; выявление метафорического употребления лексемы – имени *лингвокультуремы* во всех ее ценностных характеристиках; выявление всего многообразия парадигматических (гипо-гиперонических, деривационных и др.) системных отношений; анализ данных ассоциативных словарей и ассоциативных экспериментов.

Этимологический источник лексемы *змея*, её понятийный и коннотативный аспекты через анализ иллюстративного материала, представленного контекстами Национального корпуса русского и китайского языков, анализ словообразовательного гнезда лингвокультуры, а также ее гипонимов позволил выявить ее собственно языковое содержание змеи, характеризующееся амбивалентностью восприятия ее русским национальным сознанием.

В китайской лингвокультуре, с одной стороны, наблюдается совпадение представления о *змее* с русской лингвокультурой. Оно также амбивалентно. Однако сема 'ядовитая', зафиксированная лексикографическими справочниками русского языка и находящая подтверждение в контекстах Национального корпуса, не находит отражение в лексикографических справочниках и контекстах в китайском языке. Отсюда и тот факт, что *змея* не воспринимается китайцами как существо опасное.

Анализ гипонимического ряда (*удава, питон, нага, бешчар, уж, полоз, гадюка, гюрза, анаконда, эфа, кобра*, а также *очковая змея* и *гремучая змея*) лингвокультуры *змея* показал, что в русском языке отражаются те же характеристики (агрессивность, плохой характер, режее – гибкость), что и у гиперонима *змея*.

Лингвокультуре *змея* значима как в русской, так и китайской лингвокультурах, вследствие чего данное исследование может снабдить изучающих русский язык не только лингвистическими (лексико-семантическими, в первую очередь), но и культурными, что актуально в практике русского языка как иностранного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Басюбина [и др.] Сказки змея горыныча. – М.: Издательство: Эксмо, 2012. – 144 с.
2. Аверина М.А. Лингвокультурема «конь» в русской фольклорной картине мира// Инновации в науке: сб. ст. по матер. XXII междунар. науч.–практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2013.
3. Алимжанова Г. М. Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, единицы. Автореф. на соискание ученой степени докт. филол. наук. – Алматы, 2010.
4. Апресян Ю. Д., Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974.
5. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. – М. : ЭКСМО, 2005.
6. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико–фразеологической системе языка – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика Под редакцией, с вступительной статьей и комментарием Ю. С. Степанова. — М.: Прогресс, 1974. — 446 с.
8. Бородина Е. С., Хафизова Лейла Л. И., Болсуновская Л. М., Суван–оол Е. С. Образ змеи сквозь призму китайских и русских фразеологизмов // Молодой учёный. – 2015. – № 9 (89). – С. 1350
9. Бусурина Е.В. Лингвокультурема «дурак» в русской языковой картине мира: автореф. Дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 24 с.
10. В.П. Даниленко, Л.В. Даниленко Основы духовной культуры в картинах мира. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1999.

11. Великая Эпоха Китайские иероглифы: «шэ» — змея: <http://www.epochtimes.ru/content/view/71119/38/> (дата обращения: 04.11.2016)
12. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М., 1999.
13. Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка и культуры во взаимодействии. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1994. – 76 с.
14. Галай К.Н. Зооморфный образ женщины–змеи в европейской литературе // Вестник российского университета дружбы народов. – 2015. – №. 4. – С. 112–118
15. Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи. // Жизнь науки. Антология вступлений к классическому естествознанию. – М., 1973.
16. Гороскоп рожденных в год Змеи. <http://www.predsказanie.ru/publications/articles/0145.php> (дата обращения: 10.11.2016)
17. Десницкая А., Кацнельсон С. История лингвистических учений. Древний мир. – Л.: "Наука", 1980. – 263 с.
18. Залевская, А.А Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под. ред . И.А. Стернина. – Воронеж: ВорГУ, 2001.
19. Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е., Лингвокультурология, учебник. – СПб.: Изд-во «Осипов», 2006. – 260 с.
20. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – УФА., 2003.
21. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – 2-е изд. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

22. Караулов Ю. Н., Общая и русская идеография. – М., 1976. – 356 с.
23. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира . Язык. – Спб., 1996.
24. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2002.
25. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Современный русский язык и культурная память // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М., 2000. С. 23–36.
26. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2002. – 284 с.
27. Кривоносова М. А Змей (змий, змей, змий, змея) как способ репрезентации общекультурных визуальных и авторских символических значений в поэзии максимилиана волошина// Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – 2014. – №. 6. – С. 55–62.
28. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова , В.З. Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Т. Лузина – М.: Изд-во Моск.госу. ун-та, 1996.– 245с.
29. Кудakov О.Р. Год змеи – время копить энергию // Вестник казанского государственного энергетического университета, – 2012, – №. 4 . – С. 132–137
30. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1979. – № 2.
31. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – М., 1979. № 2.
32. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.

33. Михайлова Ю.Н., Чжао И Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии // Известия уральского федерального университета. серия 2: гуманитарные науки. – 2016. - №. 18. - 168-181
34. Моисеева, В.Л. Безналичные глагольные предикаты состояния лица в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. / В.Л. Моисеева. – СПб., 1998. – 16 с.
35. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. - М., Главная редакция восточной литературы издательства Наука, 1979.
36. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2003. – 191с.
37. Происхождение знака медицины: <http://origin.iknowit.ru/paper1212.html> (дата обращения: 04.11.2016)
38. Пропп В. Я. Русская сказка / науч. ред., коммент. Ю. С. Рассказова. – М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.
39. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. — Издательство “Лабиринт”, М., 2001. - 192 с.
40. Пятаева Н.В. Понятие лексического гнезда в современной лингвистике// Филологический класс. – 2003. – №. 9. – С.41–48.
41. ред. Токарев, С.А.: Мифы народов мира . Энциклопедия. В 2 томах; М.: Большая Российская энциклопедия, 1997
42. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.– 656 с.
43. Степанов , Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов . – М., Академический проект, 1997.

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура – М.: Индрик, 2005. — 1038 с.
44. Стихи и загадки о змеях: [http://zanimatika.narod.ru/Narabotki9_Zmeya.htm#Пословицы про змей](http://zanimatika.narod.ru/Narabotki9_Zmeya.htm#Пословицы_про_змей) (дата обращения: 04.11.2016)
45. Ступникова В. В. К вопросу о происхождении образа китайского дракона// Вестник Вятского государственного университета. – 2015. – №. 8. – С. 21–26.
46. Тарасова И.А. Фрейм "Петербург" и его языковая реализация в поэзии Г.Иванова//Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Междупа.р. симпозиума: В 2 ч. 4.1. – Волгоград: Перемена, 2003.
47. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
48. Тихонов А.Н. Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица сравнительного изучения славянских языков // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987.
49. Тюрина И. И. Языковая репрезентация анималистической символики (сопоставительный аспект исследования концепта «змея» в русских и китайских фольклорно-мифологических текстах) // Молодой ученый. — 2010. — №1-2. Т. 2. — С. 105-109.
50. Урысон Е.В. Языковая картина мира VS. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // ВЯ. 1998. № 2.
51. Уфимцева А. А., Слово в лексико–семантической системе языка. – М., 1968.

52. Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа// Вестник МГУ. Сер. 9, филология. 1996. №6.
53. Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3. – С. 47–52.
54. Яковлева Е.С. Национально-культурная специфика лексем «змея», «черепаха» и «дракон» в английском и китайском языках // Белгородский государственный национальный исследовательский университет – 2016. – №. 28. – С. 71–76
55. Wikipedia: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 10.04.2016)
56. 白公湜(Бай Гунши) 蛇类的起源与演化(Происхождение и эволюция змеи) // 生物进化(Биологическая эволюция) – 2007. – 4. – С. 16–25
57. 陆志伟(Лу Чживэй) 汉语的构词法(Китайское словообразование). – 北京: 科学出版社 (Пекин: Наука) , 1964. – 148 с.
58. 庞进(Пан Цзинь)中国祥瑞:龙(Хорошие приметы Китая: Дракон). – 陕西: 陕西人民出版社, 2012.
59. 彭文钊 试论语言文化信息单位和其语义结构完形(Пэн Вэньчжао Лингвокультурема и её семантический гештальт)//解放军外国语学院学报(Журнал НОА университета иностранного языка). – 2004.– № 3.– С. 31–37.
60. 彭文钊Пэн Вэньчжао Лингвокультурологическая интерпретация русской языковой картины мира: теория и методы: дис. ...канд. филол. Наук.– Хэйлунцзян, 2002.– 341 с.

61. 邵敬敏 中国语言文化学发展的三个阶段(Шао Цзинминь Три течения в китайской лингвокультурологии) // 汉语研究 (Исследование китайского языка).– 1991.– № 2.– С. 27–30.
62. 邵敬敏 中国语言文化学评论(Шао Цзинминь Размышление о китайской лингвокультурологии) // 语言文字实践(Практика речи и письма). – 1992.– № 2.– С. 74–79.
63. 蛇字的起源Этимология, происхождение и развитие слова змеи: [портал]/ 九大行星识字网иероглиф девятых планет.– [Шанхай], 2014.– URL: <http://www.fantizi5.com/shizi/> (дата обращения: 12.04.2016)
64. 申小龙 汉语文化特征和语言文化学研究方法(Шень Сяолун Культурные особенности китайского языка и методы лингвокультурологии) //汉语研究(Исследование китайского языка).– 1988.– № 2.– С. 38–41.
65. 闻一多(Вэнь Ид) 伏羲考(Исследование о змеином божестве Фу Си). – 上海古籍出版社(Шанхай: Издательство древних книг), 2006. – 207 с.
66. 邢福义(Син Фуи) 文化语言学(Лингвокультурология). – 湖北(Хубэй), 1991. – 465 с.
67. 杨海云, 谭林(Ян Хайюн, Тан Линь) 语言世界图景之管窥(Обзор языковой картины мира) //中国俄语教学. -2003. - №. 22 (1) :С. 7-10
68. 张公瑾(Чжан Гунцзинь) 语言文化学中民族语言研究 (Исследование национальных языков в аспекте лингвокультурологии) // 湖北少数民族学报(Журнал Хубэй института национальных меньшинств).– 2005.– № 1.– С. 50–53.

Список словарей и источников

1. Большой Энциклопедический Словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: «Норинт», 1999. – 1456 с.: ил.
2. Брокгауза и Ефрона энциклопедический словарь / Кауфман И. М. // Брасос – Веш. – М. : Советская энциклопедия, 1971. – С. 45. – (Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров ; 1969–1978, т. 4).
3. Винокур Г. О., проф. Ларин Б. А., Ожегов С. И., Томашевский Б. В., проф. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935–1940. – 45 000 экз.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : В 4 т. – СПб.–М.:Издательство: Тип. М.О. Вольфа, 1880 – 1882.
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – М.: Издательства АСТ, 2009. – 1168 с.
6. Камчатнов Ф. М. Историко–словообразовательный словарь русского языка "Русский Древослов". <http://www.drevoslov.ru/wordcreation/morphem> (дата обращения: 12.01.2016)
7. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка Справочное издание. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
8. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов Философский энциклопедический словарь. (ФЭС). – М.: Издательство: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
9. Малый академический словарь. – М., Русский язык, 1999. Т. 1–4

10. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР. Э. Г.Азимов, А. Н. Щукин. 2009.
11. О.С. Баранов Идеографический словарь русского языка: 4166 статей О. С. Баранов. – М.: ЭТС, 1995. – 820 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка – 4–е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
13. Прохоров Ю.Е. Россия. Большой лингвострановедческий словарь. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. АСТ–Пресс, 2007.
14. Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. Серия "Русский язык от А до Я". Издательство «ЮНВЕС». Москва, 2003 г.
15. Телия Е.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ–Пресс, 2006.
16. Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка.– М.: Прогресс. 1964–1973. С.100
17. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов.– 2–у изд., перераб. и доп.– К.: Рад. Шк., 1989. – 511с.
18. Черных П. Я. Историко – этимологический словарь современного русского языка. В 2–х томах. Издательство: Русский язык, 1994 г. 10 060 экз. – С. 326
19. Черных П. Я. Историко–этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3–е изд., стереотип. – М.:Рус. Яз., 1999.
20. Ярцева В.Н. и др. Лингвистический энциклопедический словарь, М., Советская энциклопедия, 1990.
21. Прохоров А.М. (ред.) Физический энциклопедический словарь – М.: Советская энциклопедия, 1983. — 928 с.

22. 古代汉语词典/古代汉语词典编写组编(Словарь древне-китайского языка / Под ред. комиссии «словарь древне-китайского языка»). – 北京: 商务印书馆(Пекин: Издательство «The Commercial Press»), 2002. – С. 1379.
23. 谷衍奎 汉字源流字典(Гу Янькуи Этимологический словарь китайского языка). – 北京(Пекин), 2003.– 863 с.
24. 汉语大字典(Большой словарь китайского языка). – 湖北: 崇文书局(Хубэй: Издательство «Чунвэнь»), 2010. – С. 3038
25. 蛇(Слово «змея»): [сайт]/ 象形词典(пиктографический словарь). – [福建(Фуцзянь)], 2010.– URL: <http://www.vividict.com/WordInfo.aspx?id=2953> (дата обращения: 12.04.2016)
26. 现代汉语词典/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编(Словарь современного китайского языка / Под ред. Исследовательского института языков АОН КНР). – 北京: 商务印书馆(Пекин: Издательство «The Commercial Press»), 2005. – С. 1202.
27. 新华字典(Словарь иероглифов Синьхуа). – 北京: 商务印书馆(Пекин: Издательство «The Commercial Press»), 2004. – С. 432.
28. 许慎 说文解字(Сюй Шэнь Происхождение китайских иероглифов). – 北京(Пекин), 1963.– 390 с.
29. 辞海(Море слов). – 上海: 上海辞书出版社(Шанхай: Издательство словарей), 2010.
30. 冷玉龙, 韦一心 中华字海(Лэн Юлонг, Вэй Исинь Море иероглифов), 北京: 中国友谊出版公司(Пекин: Издательство Дружба), 1994.

31. 重編國語辭典Исправленное словарь китайского языка: [портал]/
國家教育研究院Министерство образования Тайвань.– [Тайвань],
2016. – URL: <http://dict.revised.moe.edu.tw/cbdic/> (дата обращения:
02.12.2016)
32. 现代汉语频率词典 (Частотный словарь современного
китайского языка) . – 北京: 北京语言学院出版社 (Пекин:
Пекинский институт языка) , 1985.
33. Национальный корпус русского языка: <http://ruscorpora.ru/>
34. CCL汉语语料库(Корпус китайского языка CCL): [http://
ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/](http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/). (дата обращения: 20.03.2017).